

A surreal illustration of a tree whose trunk is a human profile, with roots forming a dragon's head. The background is a dark, starry sky with a large, glowing yellow moon. The tree's branches are dark and intricate, reaching out across the sky. The roots are dark and complex, forming a dragon's head with a single eye at the bottom center. The overall color palette is dominated by dark blues, blacks, and yellows, with some reds in the dragon's head.

Сандро Булкин

ГОЛГОФА. Показания выжившего

Сандро Булкин

ГОЛГОФА. Показания выжившего

«Автор»

2026

Булкин С.

ГОЛГОФА. Показания выжившего / С. Булкин — «Автор», 2026

черный космос, в центре пульсирует золотое Древо Времени, его корни уходят в бездну, а ветви сплетаются с россыпью звезд. У подножия — фигура человека, которая растворяется в свете, превращаясь в нити мицелия: черные переплетаются с золотыми. Внизу — стилизованный силуэт корабля «Ковчег-7», похожий на живое семя. Надпись: «ГОЛГОФА. Показания выжившего». Цветовая гамма — черный, кроваво-красный, приглушенное золото. Вся композиция дышит: мицелий тянется к звездам, а корни — к сердцу планеты, создавая ощущение, что обложка — живой организм.

© Булкин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. «ГРЯЗЬ»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сандро Булкин

ГОЛГОФА. Показания выжившего

ГЛАВА 1. «ГРЯЗЬ»

Красноярск-26, зона «Бета-7».

14 сентября 2036 года.

08:47.

Туман не рассеивался даже в полдень. Дмитрий Волков знал это уже два года: над котлованом висело молочное марево, которое не разгонял ни ветер, ни редкое солнце, прорывавшееся сквозь слои пепла и мицелиальной пыли. Туман имел запах. Не тот чистый, утренний запах таежного тумана, который он помнил из детства, когда отец возил его на рыбалку под Енисейск. Здесь пахло уксусом, ацетоном и чем-то сладковато-гнилостным – как если бы мясо, оставленное на жаре, начали мариновать в химическом реактиве.

Он стоял на краю бетонной плиты, которая когда-то была частью перекрытия подземного хранилища. Плита треснула, и из трещин сочилась черная маслянистая жидкость, пузырящаяся медленно, как кипящая смола. Пузырьки лопались с низким, почти инфразвуковым хлопком, который Дмитрий чувствовал не ушами, а грудной клеткой – каждый раз, когда лопалась очередная порция газа, ребра отзывались тупой вибрацией.

Комбинезон «Скат-4» давно уже не был герметичным. Левое плечо он замотал синей изолентой еще в марте, когда порвал ткань об арматуру, торчащую из плиты. Изолента пропиталась потом, смешанным с технической смазкой, и теперь от него самого пахло так же, как от котлована, – только слабее, с примесью табачного перегара и несвежего белья. Респиратор с треснутым фильтром висел на шее – он надевал его только когда ветер дул с востока, со стороны открытых испарителей. Сейчас ветра не было, и Дмитрий сэкономил картридж. Поставки фильтров прекратились еще в августе, и каждый новый приходилось выменивать у военных на спирт или патроны. У него оставалось два. Один он держал в рюкзаке, второй – в фильтре, который уже не держал герметичность.

Рука в перчатке дрожала, когда он опускал штангу-пробоотборник в жижу. Штанга была самодельной – телескопическая алюминиевая трубка, на конце которой он закрепил стеклянную ампулу с притертой пробкой. В лаборатории, где он когда-то работал, для проб использовали автоматические пробоотборники с титановыми иглами и кварцевыми колбами. Теперь – стекло, изолента и надежда, что ампула не лопнет раньше времени.

Она не лопнула. Черная субстанция медленно заполнила полость, вытесняя воздух. Дмитрий смотрел, как уровень поднимается, и считал секунды. На сорок седьмой секунде ампула наполнилась до краев. Он вытащил штангу, стараясь не касаться края трещины, где жижа была особенно активной – там пузырьки лопались чаще, и иногда из глубины доносился звук, похожий на чавканье.

– Третья проба, – сказал он в рацию, хотя никто не просил его комментировать. Просто звук собственного голоса помогал не сойти с ума.

– Вязкость выше эталонной на четырнадцать процентов. Визуально – гомогенная масса черного цвета, включения отсутствуют. Температура тридцать два по Цельсию, что на шесть выше фоновой.

Рация ответила шипением и редкими обрывками чужой речи. Диспетчер на базе, скорее всего, слушал музыку или спал. За два года Дмитрий ни разу не видел его лица, только слышал сонный, равнодушный голос, который давал команды «взять пробу», «переместиться в сектор Д-4», «вернуться на базу». Иногда диспетчер называл его «Санитар-три», иногда – «Волков»,

иногда просто молчал, и Дмитрий работал в полной тишине, нарушаемой только хлопками пузырьков и скрипом бетона под ногами.

Он записал показания на пластиковую дощечку маркером. Электроника здесь дохла через час – даже самые защищенные планшеты покрывались черной плесенью, которая проедала микросхемы за сутки. Дмитрий научился работать по старинке: карандаш, бумага, маркер на пластике. Бумага, впрочем, тоже долго не жила – она либо отсыревала до состояния каши, либо покрывалась пятнами грибка, который проедал целлюлозу за неделю. Поэтому он использовал ламинированные карточки, которые протирал спиртом после каждой смены.

Спирт. Еще одна валюта. Он получал пол-литра в неделю «для технических нужд» и использовал его для дезинфекции рук, инструментов и иногда – для внутреннего применения, когда трясло так, что зубы начинали выстукивать дробь. Сейчас он не пил уже трое суток – экономил.

Он встряхнул штангу, чтобы стеклянная ампула отделилась от держателя, и вдруг почувствовал вибрацию. Не ту, обычную, когда штанга касается дна трещины. Другую – тонкую, высокочастотную, которая шла от жидкости вверх по алюминиевой трубке и отдавалась в пальцах. Ампула начала нагреваться. Он видел, как внутри черной массы появились пузырьки – не те, медленные, которые поднимались из глубины котлована, а быстрые, мелкие, которые рождались прямо в стекле, будто жидкость закипала.

– Твою мать, – выдохнул Дмитрий.

Он хотел бросить штангу, но не успел. Ампула треснула изнутри. Не разлетелась осколками – просто по стеклу побежала тонкая паутина трещин, и черная субстанция выплеснулась на его правую перчатку.

Жидкость была горячей. Не просто теплой – обжигающей. Дмитрий почувствовал это даже сквозь резину, которая мгновенно начала менять структуру: из эластичной, гибкой она стала липкой, а затем начала плавиться. Резина не горела – она превращалась в нечто похожее на расплавленный сыр, который тянулся нитями, обнажая кожу под ней.

– А-а-а! – он бросил штангу, отшатнулся, споткнулся о край плиты и упал на колени. Острые края бетона впились в коленные чашечки даже сквозь комбинезон.

Перчатка превратилась в черную слизь. Он дернул руку, пытаясь стряхнуть ее, но резина уже спеклась с кожей, образуя единую корку. Тогда он рванул перчатку зубами, разрывая остатки материала у запястья, и стащил ее вместе с кусками собственной кожи.

Рука под перчаткой выглядела так, как будто ее окунули в кипящее масло. Ладонь была красной, вздувшейся, с крупными волдырями, которые на глазах наполнялись прозрачной жидкостью. Но страшнее волдырей была сетка черных вен, которая начала проступать из глубины тканей. Она росла прямо на глазах: от основания пальцев к запястью, от запястья к предплечью, тонкие, как паутина, линии, которые пульсировали в такт сердцебиению.

– Сука, сука, сука, – бормотал Дмитрий, выхватывая из кармана на поясе флягу.

Фляга была алюминиевая, мнутая, с выцветшей надписью «Технический спирт. Огнеопасно». Он сорвал крышку зубами и вылил содержимое на ладонь.

Боль была такой, что он перестал слышать себя. Мир сузился до точки – до ладони, которая горела так, будто он сунул ее в горн. Спирт испарялся, смешиваясь с сукровицей, и запах стал невыносимым: спиртовой, сладковато-гнилостный, с примесью жженой резины и еще чего-то – химического, острого, от которого слезились глаза.

Черная сетка не исчезла. Она потускнела, перестала пульсировать, но осталась под кожей, как татуировка, сделанная грязной иглой. Волдыри опали, превратившись в мокнущие язвы, по краям которых кожа начала отслаиваться лоскутами.

Дмитрий закусил ремень комбинезона, чтобы не кричать. Он знал, что крик привлечет внимание, а внимание – это вопросы, а вопросы – это проверка, а проверка – это карантин, а карантин – это неделя в подвале базы, где он будет сидеть без спирта, без сигарет, без света, и

слушать, как стены шепчут. Он уже проходил это после первого контакта с Сепсисом, полтора года назад. Тогда черные вены дошли до локтя, и военные кололи ему какую-то дрянь в вену, от которой три дня хотелось вырвать себе глаза, чтобы не видеть галлюцинации.

Сейчас вены остановились чуть ниже локтевого сгиба. Он перевел дыхание, выплюнул ремень и услышал, как рация ожила.

– Санитар-три, у тебя там взрыв? Отвечай.

Голос диспетчера был все таким же сонным, равнодушным, но Дмитрию показалось, что в нем проскользнуло что-то похожее на интерес.

– Выброс биомассы, – ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Проба номер семьсот двенадцать сдохла. У меня контакт с открытым участком.

Пауза. Диспетчер что-то щелкал на пульте, переключал каналы.

– Протокол «Ковчег». Возвращайся в лазарет. Группа захвата уже выехала.

– Какая на хер группа захвата? – Дмитрий оглянулся на ржавую тележку, где лежали остальные пробы в термоконтейнере. – Я просто пробу взял, она выплюнулась. Техника безопасности...

– Не ссы, санитар, – голос диспетчера стал жестче, но в нем появилась нотка, которую Дмитрий не слышал за два года. Почти уважение. Или зависть. – Тебя повышают.

– Повышают? – он посмотрел на свою руку. Кожа на пальцах начала менять цвет – от красного к серому, от серого к черному по краям ногтей. Ногти сами собой стали отслаиваться, обнажая розовое ложе, на котором тоже проступали черные нити. – Повышают до чего? До покойника?

Рация не ответила. Только шипение и редкие хлопки – то ли помехи, то ли пузырьки в котловане.

Дмитрий поднялся на ноги. Колени болели, в правом ухе звенело, рука горела огнем. Он посмотрел на трещину в плите, откуда все еще сочилась черная жидкость. Теперь она вела себя иначе – пузырьки поднимались чаще, и в глубине, насколько хватало глаз, он видел слабое свечение. Не электрическое, не люминесцентное – живое, пульсирующее, как биение сердца.

– Что ты такое? – спросил он у трещины.

Жидкость не ответила. Но свечение стало ярче, и Дмитрий почувствовал, как черные вены на его руке дернулись в ответ, будто потянулись к чему-то родному.

Он отступил на шаг, потом на второй. Тележка с пробами осталась на месте, но он не стал ее забирать. Пусть забирают военные. Пусть забирают все – термоконтейнер, штангу, остатки перчатки, вросшие в бетон. Он хотел только одного: убраться отсюда, на базу, в душ, где можно смыть с себя эту слизь, и в медпункт, где есть обезболивающее, и в камеру, где спрятана початая бутылка спирта, которую он берег для особого случая.

Особый случай наступил.

Он шел по плите, стараясь не смотреть под ноги, потому что в трещинах, которые раньше были пустыми, теперь тоже появилось свечение. Весь котлован, казалось, проснулся. То, что два года было просто токсичной свалкой, вдруг стало единым организмом, который чувствовал его, реагировал на него, тянулся к нему.

Рука пульсировала в такт свечению. Каждый шаг отдавался в позвоночнике тупой, ноющей болью. Дмитрий вспомнил, что у него в рюкзаке есть ампула промедола – остаток с прошлого месяца, когда он сломал два ребра, упав в дренажную канаву. Он не использовал его тогда, потому что берег. Теперь самое время.

Он остановился, скинул рюкзак, дрожащими пальцами расстегнул клапан. Внутри – две ампулы промедола, три патрона калибра 5,45 (он нашел их в разрушенном блокпосту и хранил для обмена), запасная батарея для радиации (севшая полгода назад) и кусок черного хлеба, завернутый в газету. Хлеб был твердым, как камень, и покрыт пятнами плесени, но плесень была обычной, не той, что пожирает все вокруг, а той, которую можно срезать ножом.

Он вытащил ампулу, сломал кончик и ввел иглу в вену на левой руке – правую было не согнуть. Промедол ударил почти сразу. Боль отступила, но не ушла полностью – она стала далекой, чужой, будто болела не его рука, а чья-то чужая, которую он сжимал в своей.

Черные вены перестали расти. Они замерли на полпути к локтю, став похожими на карту подземных рек, нанесенную на кожу.

– Живой, – прошептал Дмитрий, глядя на руку. – Я еще живой.

Рация снова ожила.

– Санитар-три, подтверди координаты. Группа захвата будет через десять минут. Оставайся на месте.

– На месте? – он оглянулся на котлован, который теперь светился ровным, зловещим светом, похожим на закат, только черный. – Вы с ума сошли? Эта штука...

– Протокол «Ковчег», Волков, – голос диспетчера был ледяным. – Ты знаешь правила. Контакт с биоматериалом класса 4+ – немедленная изоляция. Если ты сдвинешься с места, мы откроем огонь на поражение.

Дмитрий посмотрел на вышки по периметру зоны. На них всегда сидели снайперы – он видел их редко, только когда они менялись, но знал, что они есть. Их винтовки были нацелены на котлован, а теперь, возможно, на него.

– Вы же меня убьете, – сказал он в рацию. – Если я останусь, эта дрянь сожрет меня заживо. Вы видели, что она сделала с перчаткой? А перчатка была толще, чем моя кожа.

– Твоя кожа выдержит, – ответил диспетчер. – Мы знаем. Поэтому ты здесь.

Дмитрий замер.

– Что значит «знаете»?

Долгая пауза. Шипение. Потом голос, но уже не диспетчера – другого, более низкий, с командными нотками:

– Волков, это начальник службы безопасности зоны. Не дергайся. То, что с тобой произошло, – не случайность. Мы ждали этого восемь месяцев. Твоя генетика позволяет тебе выживать при контакте с Сепсисом. Ты – единственный в зоне, у кого есть такая устойчивость.

– Устойчивость? – Дмитрий посмотрел на руку, которая теперь была покрыта черной сеткой и мокнущими язвами. – Вы это называете устойчивостью? Моя рука разлагается заживо!

– Она восстановится. Твой организм вырабатывает ферменты, которые нейтрализуют мицелий. Через неделю от контакта не останется и следа. Но нам нужно, чтобы ты сейчас оставался на месте и не мешал группе захвата взять пробы из активного очага.

– Активного очага? – Дмитрий повернулся к котловану. Свечение стало ярче, и теперь он видел, как из трещин поднимаются тонкие, почти невидимые нити – мицелий, который тянулся к нему, как щупальца медузы. – Вы хотите, чтобы я стоял здесь и смотрел, как эта херня меня жрет?

– Она тебя не жрет, – голос начальника был спокойным, даже скучающим. – Она тебя узнает. Сепсис на свалке – не просто колония грибка. Это суперорганизм, который обладает примитивным интеллектом. Он помнит всех, кто с ним контактировал. А ты контактировал с ним много раз. Ты – единственный, кто брал пробы и оставался жив. Теперь он хочет с тобой... поговорить.

– Грибы не разговаривают, – выдавил Дмитрий. Промедол начинал отпускать, и боль возвращалась волнами – сначала в пальцах, потом в запястье, потом в предплечье, поднимаясь все выше.

– Ты прав. Они не разговаривают. Они передают информацию через химические сигналы, через электрические импульсы, через... – начальник запнулся, подбирая слова. – Через то, что мы называем «квантовой запутанностью мицелиальных сетей». Проще говоря, твоя рука сейчас соединена с котлованом. Ты чувствуешь его, он чувствует тебя. Это не заражение. Это связь.

Дмитрий посмотрел на свои пальцы. Черные нити под кожей действительно двигались – медленно, ритмично, как будто передавали какой-то код. И он понял, что чувствует не только боль. Он чувствовал что-то еще. Глухой, далекий ритм, похожий на сердцебиение, только очень медленное – один удар в минуту, не больше. И этот ритм был везде – в земле под ногами, в воздухе, в тумане.

– Что вы от меня хотите? – спросил он, и голос его был чужим, будто говорил не он, а тот, кто сидел глубоко внутри, за черными венами.

– Мы хотим, чтобы ты вошел в контакт, – сказал начальник. – Полноценный. Не через пробоотборник, не через перчатку. Без защиты. Сядь на край котлована, опусти руку в жижу и слушай. Он расскажет тебе то, что мы не можем узнать никак иначе.

– Вы сошли с ума, – сказал Дмитрий. – Вы все сошли с ума.

Но он уже знал, что сделает. Потому что ритм в груди стал громче, и боль в руке утихла, сменившись странным, тянущим чувством, похожим на голод. Не физический голод – другой, более глубокий, который невозможно утолить хлебом или промедолом.

Он подошел к краю плиты. Жижa в трещине кипела, пузырилась, выбрасывая в воздух облачка спор, которые оседали на его лице, на губах, на языке. Вкус был металлическим, с горчинкой, как если бы он лизнул батарейку.

– Если я умру, – сказал он в рацию, – я вернусь и сожру вас всех.

– Не умрешь, – ответил начальник. – Ты – расходный материал, Волков. Но самый ценный из всех, что у нас были.

Дмитрий опустил на корточки. Правая рука висела плетью, но он заставил ее подняться. Черная кожа, обнаженные ногтевые ложа, пульсирующие вены – все это было его рукой, его плотью, его болью.

Он опустил ладонь в жижу.

Мир взорвался.

Он не услышал этого взрыва – он стал им. Тысячи, миллионы импульсов хлынули в его нервную систему, перегружая сознание. Он увидел не глазами, а каждой клеткой кожи, как глубоко под землей, на глубине сотен метров, раскинулась сеть мицелия, которая опутывала старые хранилища, пробивала бетон, прорастала сквозь сталь. Он почувствовал, как эта сеть голодна – не просто голодна, а изголодалась, истощена, потому что питаться ей было нечем. Свалка истощилась, и суперорганизм, который два года рос и набирал силу, теперь умирал от недостатка пищи.

Но он чувствовал и другое: разум. Не человеческий, не животный, а какой-то иной, распределенный, состоящий из миллионов узлов, каждый из которых был глуп сам по себе, но вместе они составляли нечто, что могло думать. Медленно, очень медленно, как течет смола, но думать.

И этот разум знал его. Помнил его. Впервые, когда Дмитрий пришел на свалку, суперорганизм был маленьким, слабым, и он не обратил внимания на человека в грязном комбинезоне. Но потом человек приходил снова и снова, брал пробы, и каждый раз оставлял частицу себя – клетки кожи, капли пота, молекулы воздуха из легких. И суперорганизм учился. Он узнавал этого человека по запаху, по вибрации шагов, по электрическому полю тела.

Теперь он звал его. Не словами – образами. Дмитрий увидел себя со стороны: человек в комбинезоне, стоящий на краю черной бездны. И бездна сказала ему: «Ты такой же, как я. Ты ешь то, что убивает других. Ты растешь там, где ничего не растет. Ты – мой вид».

– Нет, – прошептал Дмитрий, но губы не слушались. – Я человек.

Образы сменились. Он увидел, как Сепсис распространяется по Земле – не как болезнь, а как лес. Как он перерабатывает города в почву, как превращает пластик в гумус, как очищает океаны от нефти. И в этом видении не было зла. Была только биология. Грибок не хотел убивать

людей – люди сами были частью углеродного цикла, и Сепсис перерабатывал их так же, как перерабатывал дерево или бетон, без злобы, без жестокости, просто потому, что так устроен.

«Вы создали меня, чтобы я очистил планету, – сказал образ. – Я очищаю. Но вы боитесь».

– Потому что ты убиваешь нас, – ответил Дмитрий.

«Я даю жизнь. После меня придет новый мир. Вы можете стать его частью».

– Как? Стать грибом?

«Стать мной. У тебя уже есть мои нити в крови. Я могу перестроить твоё тело. Ты не умрешь. Ты станешь больше. Ты будешь видеть то, что видят мицелии, чувствовать то, что чувствуют споры. Ты станешь глазом в мире, который я создаю».

Дмитрий хотел ответить, но не успел. Чья-то грубая рука схватила его за плечо и рванула назад. Он оторвался от жижи, и мир вернулся на место: серое небо, бетонная плита, запах ацетона и гнили.

Вокруг него стояли люди в черных комбинезонах, с пластиковыми щитами и баллонами с пеной. Они окутали его руку белой массой, которая затвердела, превратившись в гипс. Кто-то вкатил ему укол в шею – не промедол, что-то другое, от чего все поплыло перед глазами.

– Живой? – спросил один из военных.

– Живой, – ответил другой. – И рука цела. Смотри, сетка уходит.

Дмитрий опустил взгляд. Черные вены на предплечье действительно бледнели, растворялись, оставляя после себя розовую, чистую кожу. Только на ладони остались следы – тонкие линии, похожие на трещины в керамике, и в центре ладони – черная точка, размером с булавочную головку.

– Что это? – спросил он, показывая на точку.

Военные переглянулись. Один из них достал фонарик, осветил.

– Похоже на спору, – сказал он. – Вросла глубоко. Не выковырять.

– Оставьте, – сказал голос из радиации. – Это маркер. Теперь Сепсис всегда будет его находить.

Дмитрия подняли, поставили на ноги. Ноги не держали, но его поддерживали с двух сторон. Он чувствовал, как пена на руке твердеет, сжимает пальцы, не давая пошевелить ими. Но под пеной, под кожей, черная точка пульсировала в такт сердцу.

– Вы его слышали? – спросил начальник, когда Дмитрия усадили в бронированный вездеход.

– Слышал, – ответил Дмитрий. Голос был сухим, губы потрескались. – Он хочет жить. Он не злой.

– Мы знаем, – сказал начальник. – Поэтому мы и отправляем тебя к звездам. Ты станешь его голосом. И нашим.

Вездеход тронулся, увозя его от котлована, от светящихся трещин, от тумана, который медленно рассеивался, обнажая серое, мертвое небо. Дмитрий смотрел в маленькое бронированное окно и чувствовал, как черная точка на ладони пульсирует в такт его сердцу.

Они были соединены. Теперь навсегда.

Радиация, которую он забыл отключить, снова ожила. Диспетчер, все такой же сонный, равнодушный, сказал:

– Санитар-три, прибытие на базу через пятнадцать минут. Готовьтесь к дезинфекции полного цикла. И поздравляю. Вы только что стали самым ценным грузом в истории человечества.

Дмитрий закрыл глаза. Промедол, смешанный с неизвестным препаратом, тянул его в сон, но перед тем, как провалиться в темноту, он услышал далекий, медленный ритм. Один удар в минуту. Там, в котловане, суперорганизм провожал его.

«Вернись», – сказал ритм.

«Я вернусь», – мысленно ответил Дмитрий, хотя не знал, куда и зачем. Он знал только, что теперь его жизнь принадлежит не ему. Она принадлежит черной точке на ладони, которая ждала своего часа, чтобы прорасти.

Красноярск-26, лазарет зоны «Бета-7».

14 сентября 2036 года.

12:03.

Потолок был белым. Не просто белым – стерильно-белым, как крышка гроба из пластика, который выдают санитарам вместо нормальных похорон. Дмитрий смотрел на него уже сорок минут, считая трещины в краске. Трещин было семнадцать, если считать только те, что пересекали центральную плиту, и сорок три, если включать периметр. Он досчитал до сорока трех, сбился, начал заново, снова сбился. Сорок минут. Или два часа.

Или день.

Время в лазарете текло как смола.

Рука была залита гипсом, но не обычным – каким-то черным, пористым, который дышал и пульсировал в такт сердцебиению. Пена, которой его обработали в котловане, затвердела и превратилась в монолит, но под ней кожа зудела так, что хотелось разодрать ее ногтями. Ногтей, впрочем, на правой руке больше не было – только розовые, мокнувшие раны, покрытые тонкой пленкой, которая лопалась при малейшем движении.

Черная точка на ладони была скрыта под гипсом, но он чувствовал ее. Она пульсировала – не больно, а навязчиво, как заноза, которую не вытащить, как зуб, который ноет перед дождем. И с каждым ударом пульса она посылала вверх по руке слабый электрический разряд, который замирал где-то в локте, а потом уходил в грудь, в позвоночник, в затылок.

– Волков, вы спите?

Голос был женским, сухим, без интонаций. Дмитрий повернул голову. В дверях стояла женщина в белом халате, с лицом, скрытым за хирургической маской. Из-под маски торчали седые волосы, собранные в пучок, и очки в металлической оправе, которые делали ее глаза большими и немигающими, как у рыбы.

– Не сплю, – сказал Дмитрий. Голос сел, горло саднило – то ли от крика в котловане, то ли от спор, которые осели на слизистой.

– Хорошо. Меня зовут Татьяна Сергеевна, я заведующая лазаретом. Ваше состояние стабильно, хотя показатели воспаления зашкаливают. Мы ввели вам антитоксин, он снимет симптомы через шесть-восемь часов. Но перед этим нужно кое-что оформить.

Она вошла, держа в руках планшет – настоящий, работающий, с целым экраном, без плесени и трещин. Такие планшеты Дмитрий видел только у военных и высокого начальства. Остальные пользовались бумагой, карандашами и молитвами.

– Что оформить? – он попытался приподняться на локтях, но левая рука затекла, а правую не согнуть. Койка была жесткой, металлической, с бортиками, как в психиатрической лечебнице. Он вспомнил, что такие койки ставят для буйных, чтобы не свалились.

– Ваше согласие на участие в программе «Ковчег», – Татьяна Сергеевна села на стул у койки, положила планшет на колени. – И несколько дополнительных документов. Добровольное информированное согласие, согласие на медицинское вмешательство, согласие на трансплантацию биоматериала, отказ от претензий...

– Стоп, – Дмитрий нахмурился. – Какое согласие? Я санитар. Я пришел сюда пробу сдать, а меня чуть не сожрал грибок. Вы меня лечите или оформляете?

– И то, и другое, – женщина говорила спокойно, как учительница, объясняющая урок нерадивому ученику. – Контакт с биоматериалом класса 4 активизирует протокол «Ковчег». Вы были проинформированы об этом при приеме на работу. Пункт 14.3 трудового договора. Если хотите, я могу показать.

Она протянула планшет. Дмитрий взял его левой рукой – экран был теплым, живым, на нем открылся скан какого-то документа, напечатанного мелким шрифтом. Он пробежал глазами:

14.3. В случае контакта работника с биоматериалом класса 4 (опасность распространения Сепсиса) работник обязуется пройти медицинскую адаптацию по протоколу «Ковчег» в полном объеме, включая, но не ограничиваясь: дезинфекцию полного цикла, трансплантацию симбиотических организмов, когнитивную коррекцию и направление для выполнения специальных задач за пределами зоны ответственности Работодателя.

– Я это не подписывал, – сказал Дмитрий.

– Подписывали, – Татьяна Сергеевна взяла планшет обратно, пролиستала несколько страниц. – Вот, смотрите. Ваша подпись, дата – 12 марта 2034 года. Вы тогда только пришли на работу, оформлялись в отделе кадров. Вам дали стопку документов, вы подписали все, не читая. Как и все.

Дмитрий вспомнил. Два года назад он был в отчаянии, без денег, без жилья, с одним рюкзаком за спиной. Работа на свалке казалась спасением – платили едой, спиртом, давали угол в бараке. Он подписывал все, что давали, не глядя. Кто бы мог подумать, что через два года его будут оформлять в космонавты-смертники?

– И что значит «симбиотические организмы»? – спросил он, хотя уже догадывался.

– Это вы узнаете позже, – ответила женщина. – Сейчас вам нужно подписать еще несколько форм. Это стандартная процедура.

– Я не буду ничего подписывать.

Татьяна Сергеевна вздохнула, сняла очки, протерла стекла краем халата. Без очков ее глаза казались маленькими, усталыми, с красными прожилками.

– Волков, – сказала она, – вы не в том положении, чтобы торговаться. Через четыре часа у вас начнется вторая стадия заражения, если мы не введем препарат, который блокирует прорастание мицелия в кровеносную систему. Этот препарат есть только в рамках протокола «Ковчег». Без него вы умрете через трое суток. И умрете мучительно. Я видела, что делает Сепсис с незащищенным организмом. Сначала он прорастает в мышцы – это похоже на то, как будто под кожей у вас ползают черви. Потом он добирается до нервных узлов – вы начинаете чувствовать все, что происходит с каждой клеткой, но не можете пошевелиться. Потом он начинает переваривать вас изнутри, превращая в питательную массу. Сознание сохраняется до последнего, потому что Сепсису нужно, чтобы вы чувствовали боль – это стимулирует выделение питательных веществ.

Она говорила это спокойным, ровным тоном, как лекцию читала.

– У вас есть выбор, – закончила она. – Подписать документы и получить лечение, или не подписывать и умереть в течение семидесяти двух часов. Третьего не дано.

Дмитрий посмотрел на свою руку. Черный гипс пульсировал, и под ним, где-то глубоко, он чувствовал, как что-то шевелится. Тонкие нити, которые тянулись от ладони к запястью, от запястья к локтю. Они не болели, но он знал, что они там есть.

– Дайте ручку, – сказал он.

Четыре часа спустя.

Они ввели ему препарат через капельницу. Дмитрий не спросил, что это, потому что не хотел знать. Жидкость была мутной, желтоватой, пахла рыбой и хлоркой. Через десять минут после начала инфузии его начало тошнить, через двадцать – он вырвал желчью прямо на пол, потому что медсестра не успела принести тазик. Его вывернуло трижды, после чего во рту остался привкус металла и горечи.

Но боль ушла. Зуд под гипсом стих, пульсация черной точки замедлилась, стала глухой, далекой.

Татьяна Сергеевна вернулась через час с новым планшетом.

– Теперь нам нужно провести психологическое тестирование, – сказала она. – Это займет около сорока минут. Вы будете отвечать на вопросы, а программа проанализирует ваши ответы. Это не больно.

– Мне уже все равно, – сказал Дмитрий.

Тест был идиотским. «Выберите цвет, который вам больше нравится». «Что вы видите на этом изображении?» – и показывают чернильные пятна, похожие на раздавленных насекомых. «Согласны ли вы с утверждением: "Я часто чувствую, что жизнь бессмысленна"?» «Согласны ли вы с утверждением: "Я готов пожертвовать собой ради других"?» «Согласны ли вы с утверждением: "Я боюсь смерти"?»

Дмитрий отвечал механически, иногда смеясь – смех выходил хриплым, с кашлем. На вопрос про смерть он ответил: «Нет, я не боюсь смерти. Я боюсь умирать». Татьяна Сергеевна записала что-то в своем блокноте.

Когда тест закончился, она забрала планшет и сказала:

– Результаты будут готовы через два часа. Пока можете отдохнуть. Завтра утром вас переведут в модуль предварительной подготовки.

– Куда? – спросил Дмитрий, но она уже вышла, оставив его одного с белым потолком и сорока тремя трещинами.

В три часа ночи его разбудил свет. Не лампы – свечение исходило от планшета, который кто-то оставил на тумбочке у койки. Экран был включен, и на нем открыт какой-то документ.

Дмитрий огляделся. В палате никого не было. Медсестра спала за стеклом в соседней комнате, ее силуэт маячил в полумраке. Планшет лежал в метре от него – левая рука доставала, но нужно было тянуться, а капельница мешала.

Он вытащил иглу из вены. Кровь брызнула, но он зажал ранку пальцем, подождал, пока свернется. Потом, перегнувшись через борт, схватил планшет.

Документ назывался: «Проект "Голгофа". Досье кандидата №7. Волков Дмитрий Андреевич».

Он начал читать.

Файл: 7-Г-21/34

Гриф: Особой важности. Уничтожить после когнитивной фиксации.

Статус: Активен. Фаза 3 (медицинская подготовка).

Объект: Волков Дмитрий Андреевич

Дата рождения: 12.03.1998

Место рождения: Томск-7

Гражданство: РФ (статус – «лицо без определенных занятий» с 2034 года)

Генетические маркеры:

HLA-B27+ – положительный (предрасположенность к аутоиммунным реакциям, компенсированная мутацией).

Мутация гена FUT2 (non-secretor) – полное отсутствие антигенов группы крови в секретах.

Дополнительно: выявлена редкая мутация в локусе 9q34.3, отвечающем за синтез фермента N-ацетилтрансферазы 2. Данная мутация позволяет объекту метаболизировать широкий спектр микотоксинов, включая афлатоксины, охратоксины и трихотецены. Эффективность метаболизма – 78.4% от теоретического максимума.

Особые свойства:

Естественная резистентность к мицелиальным инвазиям семейства *Cordyceps mutatio* (штаммы 1–9). Резистентность подтверждена полевыми испытаниями (см. приложение 7-А: протоколы контактов зоны Бета-7).

Аномально высокая регенерация эпителия после химических и термических повреждений (скорость регенерации в 3.2 раза выше средней).

Микробиом кишечника содержит штаммы *Lactobacillus resistens* синтетической линии 4-Х, выведенной в НИИ прикладной микологии в 2029 году. Штаммы расщепляют афлатоксины и родственные соединения, выделяя в кровоток метаболиты, которые действуют как ингибиторы протеаз Сепсиса.

Анамнез:

2029–2032: Инженер-биотехнолог, НИИ прикладной микологии (Новосибирск). Должность: младший научный сотрудник, лаборатория полевых испытаний. Участвовал в разработке методов биоремедиации почв с использованием генетически модифицированных грибов. В 2032 году отказался от участия в программе полевых испытаний на добровольцах (т.н. «испытания Сепсиса-3»). Формулировка увольнения: «за несоответствие этическим нормам». Фактическая причина: отказ от участия в экспериментах на людях.

Примечание отдела кадров: В личном деле объекта сохранилась докладная записка начальника лаборатории: «Волков Д.А. проявил недопустимую эмоциональную реакцию при демонстрации результатов испытаний на группе добровольцев (содержание в закрытом контуре с высокой концентрацией спор Сепсиса-3). Волков назвал испытания "узаконенным убийством" и пригрозил обратиться в СМИ. Рекомендую уволить без права восстановления».

2033–2035: Работа в частной лаборатории «Биом-Восток» (Владивосток). Должность: старший лаборант (фактически – главный технолог). Лаборатория занималась разработкой методов утилизации токсичных отходов с использованием Сепсиса-4 (мутировавшая форма, устойчивая к высоким температурам). В 2035 году лаборатория ликвидирована после вспышки Сепсиса-4 в закрытом контуре. Объект был единственным выжившим из 23 сотрудников.

Протокол расследования вспышки (выдержка):

«В 23:47 14.08.2035 произошла декомпрессия закрытого контура №4, в котором проводились испытания Сепсиса-4 на органических субстратах. Концентрация спор в воздухе превысила предельно допустимую в 1400 раз. Из 23 сотрудников, находившихся в здании, 22 скончались в течение 48 часов от системного микотоксикоза. Объект Волков Д.А., находившийся в том же здании (помещение склада), не проявил симптомов заражения, за исключением легкого конъюнктивита, прошедшего через 72 часа без медицинского вмешательства. Волков был допрошен, после чего отпущен в связи с отсутствием состава преступления».

Примечание: В ходе допроса объект сообщил, что перед вспышкой он «почувствовал неладное» и «спрятался в холодильной камере, где было минус двадцать». Объект также упомянул, что «Сепсис вел себя странно, он не пытался заразить меня, он как будто... уходил в сторону». Фраза зафиксирована, но не получила объяснения.

2035–2036: Санитар зоны Бета-7 (Красноярск-26). Должность: работник по утилизации биоматериалов 3-го разряда. За время работы осуществил 712 пробоотборов из активных очагов Сепсиса. Зафиксировано 14 случаев прямого контакта с биоматериалом класса 4+. В 12 случаях объект не проявил симптомов заражения. В 2 случаях (14.02.2036 и 19.06.2036) наблюдалась локальная пигментация кожи, прошедшая без лечения в течение 7–10 суток.

Психологический портрет (составлен по результатам наблюдения и тестирования):

Тип личности: Интроверт с высокой степенью адаптивности. Склонен к депрессивным эпизодам, компенсируемым цинизмом и черным юмором. Социальные связи минимальны, семьи нет, контакты с матерью (проживает в Томской области) носят формальный характер.

Эмоциональная стабильность: Выше средней. В стрессовых ситуациях демонстрирует рациональное мышление, но с элементами диссоциации (тенденция «отключаться» от происходящего, воспринимать себя со стороны).

Отношение к смерти: Патологически спокойное. По результатам теста ММПИ-2 – отрицание страха смерти при высокой тревожности, связанной с процессом умирания (танатофобия, компенсированная интеллектуализацией).

Мотивация: Отсутствие выраженной мотивации к выживанию. Объект не демонстрирует стремления к сохранению собственной жизни как ценности. Основной мотивационный фактор – любопытство («мне интересно, что будет дальше») и чувство долга, искаженное до патологической формы (объект считает, что «обязан исправить то, что создал» – отсылка к работе над Сепсисом в НИИ).

Риски:

Высокая вероятность суицидального поведения в условиях изоляции, если объект посчитает свою миссию бессмысленной.

Склонность к идентификации с нечеловеческими сущностями (в ходе теста Роршаха объект описывал чернильные пятна как «мицелий», «грибницу», «сеть»).

Потенциальная опасность неконтролируемого симбиоза с Сепсисом в случае длительного контакта.

Сильные стороны:

Максимальный балл по шкале «адаптивность к изоляции» (92 из 100) среди всех кандидатов.

Уникальная физиологическая совместимость с симбионтом (вероятность отторжения – менее 2%).

Опыт работы в условиях полной автономии (объект провел 11 суток в заброшенной лаборатории после вспышки во Владивостоке, выжил за счет консервов и технического спирта).

Заключение медицинской комиссии:

Объект Волков Д.А. признан годным к участию в программе «Ковчег-7» с присвоением статуса «Основной кандидат».

Рекомендовано:

1. Провести имплантацию симбионта (протокол «Рулевой») в срок до 72 часов.
2. Обеспечить психологическое сопровождение на этапе адаптации (сеансы когнитивной коррекции по мере необходимости).
3. В случае успешной адаптации – направить на финальный этап подготовки.

Особые указания: Объект является расходным материалом первого уровня. При возникновении осложнений, угрожающих выполнению миссии, разрешено применение протокола «Черный лед» (ликвидация объекта с сохранением биоматериала для последующего использования).

Приложение 7-А. Протоколы контактов зоны Бета-7 (выдержка):

14.02.2036. Контакт №4. Объект Волков проводил проб отбор из трещины №17. Произошел выброс биомассы. Объект получил ожог правой кисти 2-й степени и локальное инфицирование (черная пигментация по ходу вен). Лечение: местная дезинфекция спиртом, без системной терапии. Исход: полное выздоровление через 9 суток.

Примечание лаборанта: При микроскопии образца биомассы, взятой с перчатки объекта, обнаружены аномальные структуры – мицелий формировал упорядоченные кластеры, напоминающие нейронные сети. В пробах, взятых с других участков котлована, подобных структур не выявлено.

19.06.2036. Контакт №11. Объект Волков упал в дренажную канаву с активным Сепсисом (глубина погружения – до пояса, время пребывания – 4 секунды). Объект самостоятельно выбрался, провел дезинфекцию техническим спиртом. Наблюдалась обширная черная пигментация кожи нижних конечностей и живота, исчезнувшая через 14 суток. В течение 3 суток после контакта объект отмечал «странные сны» и «чувство, что под кожей что-то движется».

Примечание: В ходе планового медосмотра 25.06.2036 у объекта взяты образцы крови. При посеве на питательные среды выявлен рост колоний Сепсиса-4, полностью подавленный лейкоцитарной реакцией объекта. Случай уникальный – ни один из известных исследованных субъектов не демонстрировал способности подавлять рост Сепсиса на системном уровне.

Дмитрий оторвался от планшета. Руки дрожали – не от страха, от ярости. Он читал свой собственный некролог, написанный чужими, сухими словами. «Расходный материал первого уровня». «Ликвидация объекта». «Использование биоматериала».

Они смотрели на него два года. Они знали о каждом его контакте с Сепсисом, о каждой черной вене, о каждом дне, когда он корчился от боли в своей камере, запивая промедол спиртом. Они не лечили его, не предупреждали. Они ждали, пока его тело станет идеальным контейнером.

Он перелистнул страницу. Внизу был еще один документ, датированный сегодняшним числом.

Протокол заседания комиссии по отбору кандидатов № 7-Г-21/34-Ф

Дата: 14.09.2036

Время: 11:30

Место: Красноярск-26, бункер-7, зал заседаний

Присутствовали:

Генерал-майор Соколов А.В. (председатель)

Главный технолог «Мать» (позывной)

Начальник службы безопасности зоны Бета-7 (позывной «Кузнец»)

Представитель заказчика (позывной «Инвестор», связь по защищенному каналу)

Повестка: Утверждение кандидата №7 (Волков Д.А.) в качестве основного пилота «Ковчега-7».

Стенограмма (выдержка):

Соколов: «Итак, по результатам последнего контакта мы имеем подтверждение устойчивости кандидата к прямому воздействию Сепсиса-9. Волков провел в контакте с открытым очагом около четырех минут, демонстрировал когнитивные функции, не поддавался панике. Психологический тест показал стабильность. Что скажет технолог?»

«Мать»: «С биологической точки зрения кандидат идеален. Его микробиом полностью совместим с симбионтом. Уровень воспалительных маркеров после контакта ниже, чем у любого из предыдущих кандидатов. Я рекомендую начать процедуру вживления "Рулевого" в ближайшие 24 часа».

Соколов: «А что с его психологическим состоянием? Он не сломается в полете?»

«Мать»: «Рулевой возьмет на себя регуляцию эмоций. Если кандидат начнет проявлять суицидальные наклонности, симбионт заблокирует их. Если он попытается повредить корабль – тоже. Фактически, после адаптации его личность станет вторичной по отношению к задачам миссии».

«Кузнец»: «А если он откажется?»

«Мать»: «Мы уже ввели ему препарат, который ингибирует рост Сепсиса в крови. Без поддерживающей терапии он умрет через 72 часа. Лечение есть только в рамках протокола. Он уже подписал согласие. Выбор у него один».

«Инвестор» (по связи): «Я хочу быть уверен, что он не подведет. Мы вложили слишком много ресурсов в этого кандидата. Если он не пройдет адаптацию, у нас не будет времени на поиск замены».

Соколов: «Кандидат прошел полевые испытания. Он устойчив. Он выживет».

«Инвестор»: «Выживет – не значит выполнит. Мне нужна гарантия, что он доведет корабль до цели и активирует Сепсис-9 в нужное время».

«Мать»: «Гарантию дает Рулевой. Кандидат – всего лишь носитель. Если он перестанет сотрудничать, мы можем управлять им удаленно. Его тело будет выполнять команды, даже если сознание будет сопротивляться. Это проверено на предыдущих кандидатах».

Соколов: «На предыдущих кандидатах, которые погибли при старте».

«Мать»: «Они погибли из-за физической несовместимости с перегрузками. Волков прошел тест в центрифуге с результатом 92 балла. Он выдержит».

«Кузнец»: «А что насчет его контакта с Сепсисом сегодня? Он сказал, что "слышал" суперорганизм. Это не опасно?»

«Мать»: (пауза) «Это интересно. Он действительно установил когнитивную связь с образцом. Ни один из предыдущих кандидатов не демонстрировал такого уровня интеграции. Это может быть полезно – возможно, он сможет "договариваться" с Сепсисом на новом месте. Или... это может быть опасно, если он начнет идентифицировать себя с грибком больше, чем с человечеством».

Соколов: «Это угроза миссии?»

«Мать»: «Это угроза, которую мы можем контролировать. Рулевой будет подавлять любые мысли о саботаже. Если Волков попытается действовать против программы, мы просто отключим его сознание. Он превратится в биоробота, который выполнит все, что нужно».

«Инвестор»: «Одобряю. Начинайте подготовку».

Соколов: «Голосуем. Кто за утверждение кандидата?»

Все: «За».

Соколов: «Решение принято. Волков Дмитрий Андреевич утвержден в качестве основного пилота "Ковчега-7". Статус – "расходный материал первого уровня". Протокол вживления "Рулевого" начать 15.09.2036 в 06:00».

Дмитрий дочитал. Планшет выпал из рук, упал на пол, экран треснул, но не погас. На нем все еще светились слова: «Расходный материал первого уровня».

Он сидел на койке, сжимая левую руку в кулак. Ноготь впился в ладонь, пошла кровь. Кровь была красной, обычной, человеческой.

– Они хотят сделать из меня робота, – прошептал он. – Они хотят выключить меня, как лампочку.

Черная точка под гипсом пульсировала в ответ – медленно, спокойно. И Дмитрий вдруг понял, что она не враг. Она – единственное, что он может противопоставить их контролю. Сепсис был разумным. Сепсис хотел говорить с ним. Сепсис не собирался отключать его сознание.

– Ты слышишь меня? – спросил он у своей руки.

Пульсация участилась. Один удар, второй, третий. Потом – пауза. И снова.

Он не знал, что это значит. Но он знал, что завтра в шесть утра они придут, чтобы вживить ему в позвоночник «Рулевого» – паразита, который сделает его марионеткой. И он должен быть готов.

Он поднял планшет, стер с экрана кровь, нашел в меню папку «Документы». Там были файлы: «Протокол вживления Рулевого», «Схема нервных узлов», «Методика когнитивной коррекции», «План подготовки кандидата».

Он начал читать. У него было три часа до утра.

Красноярск-26, бункер-7, модуль предварительной подготовки.

15 сентября 2036 года.

05:47.

Его разбудили за пятнадцать минут до шести. Не голосом, не светом – резким, судорожным спазмом в правой руке. Черная точка под гипсом пульсировала так, будто внутри ладони билось маленькое сердце. Дмитрий открыл глаза и сразу понял, что не спал по-настоящему – он просто провалился в темноту, где перед глазами все еще плыли строки протоколов, схемы нервных узлов, пункты инструкций, которые он читал до четырех утра.

Планшет исчез. Тумбочка была пуста, только пустая ампула из-под вчерашнего препарата валялась на полу, и капельница стояла, прислоненная к стене. Кто-то заходил, пока он отключился.

Дмитрий сел. Голова кружилась, во рту было сухо, как после недельного запоя. Он посмотрел на правую руку – гипс сняли. Вместо него на кисти была тонкая, прозрачная пленка, сквозь которую виднелась розовая, гладкая кожа. Черные вены исчезли, ожоги зажили. Только на ладони, в самом центре, чернела маленькая точка – вьевшаяся в ткани, как заноза, которую не вытащить.

– Волков, вы проснулись? – голос Татьяны Сергеевны прозвучал из динамика над дверью.

– Через десять минут за вами придут. Готовьтесь.

– К чему готовиться? – спросил он, хотя знал ответ.

– К процедуре. Вам объяснят на месте.

Динамик щелкнул и замолк.

Дмитрий встал. Ноги слушались плохо, но он заставил себя сделать несколько шагов. Комбинезон, в котором его привезли со свалки, исчез. Вместо него на стуле висел чистый, белый халат – тонкий, почти прозрачный, с завязками сзади. Больничная одежда для тех, кого готовят к операционному столу.

Он надел халат, завязал тесемки. Ткань была холодной, скользкой, пахла формальдегидом. Под ней тело казалось чужим – слишком худым, слишком бледным, с синими прожилками вен, просвечивающих сквозь кожу.

Дверь открылась. На пороге стояли двое – мужчина и женщина, оба в черных комбинезонах без опознавательных знаков, с пластиковыми щитками на лицах. За их спинами – длинный, освещенный неоновым коридор.

– Волков Дмитрий Андреевич? – спросил мужчина. Голос был безликим, как у диктора автоответчика.

– Он самый, – ответил Дмитрий. – А вы кто? Скорая помощь или такси?

– Следуйте за нами.

Они не взяли его под руки, не надели наручники. Просто встали по бокам и повели по коридору. Дмитрий попытался запомнить путь: направо, потом налево, потом длинная прямая, потом дверь с кодовым замком. На потолке – камеры через каждые три метра. Пол – бетонный, с резиновым покрытием, чтобы шаги не звучали. Воздух – сухой, холодный, с привкусом озона.

– Куда мы идем? – спросил он.

– В процедурную.

– А что там будут делать?

Молчание. Только шаги, шаркающие по резине.

Лифт. Они вошли втроем, и Дмитрий заметил, что кнопок в кабине нет – только считыватель карт. Женщина приложила пластиковую карточку к панели, и лифт поехал вниз. Секундомер на панели показывал глубину: 5 метров, 10, 20, 30. На сорока метрах лифт остановился.

Двери открылись. Коридор стал шире, потолок выше, освещение – ярче, белее, стерильнее. Стены здесь были не бетонными, а металлическими, с герметичными швами. Воздух – другой, плотный, насыщенный, с запахом антисептика и еще чего-то сладковатого, химического.

– Процедурная номер семь, – сказал мужчина, указывая на дверь с надписью красным: «ЗОНА 4+. БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОПАСНОСТЬ. ДОСТУП ТОЛЬКО ПО ПРОПУСКАМ».

Дмитрий остановился.

– Я не зайду туда, пока не узнаю, что со мной будут делать.

Мужчина и женщина переглянулись. Женщина достала планшет, пробежала пальцем по экрану.

– Волков, вы подписали согласие на медицинское вмешательство вчера в 14:23. Пункт 3.1: имплантация симбиотического организма в спинномозговой канал. Пункт 3.2: нейроинтеграция с системами корабля. Пункт 3.3: когнитивная коррекция при необходимости.

– Я подписал под дулом пистолета, – сказал Дмитрий. – Или вы забыли про группу захвата?

– Вы подписали добровольно, – голос женщины был спокоен. – Запись подписания есть на видео. Если вы сейчас откажетесь, мы будем вынуждены активировать пункт 14.3 трудового договора, который предусматривает принудительную медицинскую адаптацию в случае угрозы распространения биоматериала класса 4+. А у вас на ладони – спора Сепсиса. Вы – угроза. Мы имеем право.

Дмитрий посмотрел на свою руку. Черная точка. Маленькая, безобидная, но он знал, что она там. И они знали.

– Вы можете войти сами, – добавила женщина, – или мы вам поможем. Разницы нет. Результат будет один.

Он вошел сам.

Процедурная была похожа на операционную, но не на ту, что показывают в фильмах. Там не было ярких ламп, блестящих инструментов и суесящихся медсестер. Вместо этого – полумрак, стены, покрытые пластиковыми панелями с миллиметровой разметкой, и в центре – стол. Не обычный хирургический, а какой-то странный, напоминающий раскрытую раковину: металлическое ложе с выемками для головы, рук, ног, и над ним – три роботизированные руки, сложенные, как лапы паука в ожидании.

В углу – стойка с мониторами. На них – анатомические модели, схемы кровообращения, графики, которые ползли вверх-вниз, отслеживая что-то невидимое.

У стойки стояла женщина. Та самая, которую Дмитрий уже видел на видео с планшета – «Мать». Главный технолог. Вживую она выглядела иначе: ниже ростом, плотнее, с лицом, которое невозможно было разглядеть из-за пластикового забрала. На ней был не халат, а герметичный скафандр с горбом на спине – как у него самого вчера, только новый, без изолянта и трещин.

– Волков, – сказала она, не оборачиваясь. – Ложитесь на стол. Мы начинаем через пять минут.

– Мне хотя бы скажут, что вы собираетесь делать? – спросил Дмитрий, подходя к столу. Холод исходил от металла, как от могильной плиты.

– Вам уже все сказали. Имплантация симбионта. Мы называем его «Рулевой». Он заменит поврежденные нервные узлы, возьмет на себя управление моторикой в экстремальных условиях и обеспечит нейроинтеграцию с кораблем.

– Заменит? – Дмитрий провел пальцем по краю стола. – А что будет с моими нервными узлами?

– Они останутся на месте. Рулевой прорастет в них, образуя синаптические связи. Через несколько недель вы перестанете чувствовать разницу между своими нервами и его отростками. Вы будете единым организмом.

– Единым организмом с червем.

– С симбионтом. Разница существенна. Червь паразитирует. Рулевой – сотрудничает. Он не будет питаться вашими тканями, если вы не будете умирать. В случае вашей смерти он перейдет в режим консервации и будет ждать нового носителя.

– Обнадеживает, – сказал Дмитрий. – А если я не умру?

– Тогда вы будете самым эффективным пилотом в истории. Ложитесь.

Он лег. Металл был ледяным, и тело сразу покрылось мурашками. Выемки для головы и рук оказались точно подогнаны под его рост – будто стол делали специально для него. Или для кого-то, кто был точно такого же размера.

Роботизированные руки над ним зашевелились. Медленно, как живые, они опустились, коснулись его плеч, бедер, шеи. Фиксаторы – пластиковые, холодные, с мягкими прокладками – обхватили его так, что он не мог двинуться. Голова была зажата в тиски, которые позволяли

только смотреть прямо в потолок – в белую, стерильную панель, за которой, он знал, прятались камеры и микрофоны.

– Приступаем, – сказала «Мать».

Она подошла к столу, и ее лицо в забрале нависло над ним. Дмитрий увидел свое отражение в пластике – бледное, испуганное, с черными кругами под глазами.

– Наркоз? – спросил он.

– Не понадобится. Рулевой должен чувствовать ваше тело, чтобы прижиться. Общая анестезия нарушает синаптический импринтинг. Местная – возможна, но она исказит сигналы, и симбионт может неправильно интегрироваться.

– То есть я буду в сознании, когда вы будете резать мне спину?

– Не спину. Позвоночник. Мы будем вскрывать спинномозговой канал. Вы ничего не почувствуете – местная анестезия будет достаточно глубокой, чтобы блокировать боль. Но вы будете ощущать давление, движение, температуру. Это нормально.

– Нормально, – повторил Дмитрий. – Вы хоть раз делали это на себе?

«Мать» не ответила. Она отошла к стойке, нажала несколько клавиш. Роботизированные руки замерли, и в процедурной раздался голос – женский, синтезированный, из динамиков:

«Начало процедуры имплантации симбионта "Рулевой". Протокол 7-Р-34. Объект: Волков Дмитрий Андреевич. Время: 06:00. Фиксация – выполнена. Асептика – выполнена. Доступ к спинномозговому каналу – готов».

– Разрежьте халат, – сказала «Мать».

Одна из роботизированных рук выдвинула из своего корпуса тонкое лезвие. Дмитрий услышал, как ткань на спине расходится с сухим треском. Холодный воздух коснулся голой кожи. Он лежал лицом вниз, но видел перед собой только белый пластик стола, в который упирался подбородком.

– Местная анестезия, – объявила «Мать». – Четыре точки. Не двигайтесь.

Он почувствовал уколы в спину – один, второй, третий, четвертый. Острые, как осиные жала, потом – тепло, разливающееся по коже, и он перестал чувствовать спину вообще. Будто она исчезла. Будто его тело кончалось на уровне лопаток, а ниже – только пустота.

– Доступ. Скальпель.

Он не видел, что она делает, но слышал. Звук разрезаемой кожи – не хруст, а влажный, тягучий шорох, как если бы рвали плотную бумагу, пропитанную маслом. Потом – щелчок, с которым раздвинули края раны.

«Мать» комментировала для записи:

– Кожный разрез от Th3 до L2. Подкожная клетчатка – минимальна. Фасция – рассечена. Мышцы – разведены ретрактором. Обнажены остистые отростки Th7–Th12.

Дмитрий чувствовал только давление. Кто-то надавливал на его позвоночник – не больно, а странно, будто внутри него, под кожей, кто-то ворочался, пытаясь вылезти наружу.

– Вы в порядке? – спросила «Мать».

– Нет, – ответил он. – У меня в спине ковыряются. Я не в порядке.

– Сердечный ритм учащен. Адреналин выше нормы. Постарайтесь дышать ровнее. Если вы будете слишком напряжены, мышцы будут мешать.

– Я постараюсь расслабиться, пока вы пилите мне позвоночник.

– Не пилим. Срезаем остистые отростки. Это не больно.

Он услышал звук, похожий на то, как пилят сухое дерево, только тоньше, выше. Вибрация прошла по всему телу, от затылка до пяток. Зубы заныли, хотя он не сжимал их.

– Ламинэктомия, – сказала «Мать». – Удаление дужек позвонков Th8–Th10. Твердая мозговая оболочка – визуализирована. Целостность – сохранена.

Дмитрий понял, что сейчас они доберутся до спинного мозга. До того самого места, где проходит главный кабель, соединяющий его тело с головой. И туда они вставят своего угря.

– Я передумал, – сказал он. – Остановитесь.

– Поздно, – ответила «Мать». – Раскрыт спинномозговой канал. Остановка сейчас приведет к инфицированию и неврологическим осложнениям. Мы должны закончить.

Она подошла к стойке, открыла холодильник. Оттуда достала прозрачную капсулу длиной около двадцати сантиметров. Внутри, в мутноватом растворе, плавало нечто, скрученное спиралью. Оно было полупрозрачным, с розоватым оттенком, и сквозь кожу просвечивали тонкие, извилистые нити – нервные волокна, которые пульсировали в такт насосу, поддерживающему жизнь в капсуле.

– Muxine neurorector, – сказала «Мать», показывая капсулу камере. – Гибрид миксины и человеческих нейронов. Генетически модифицирован для интеграции с периферической нервной системой носителя. Температура активации – 36.6. Питательная среда – стандартная, на основе плазмы.

Она открыла капсулу.

Существо шевельнулось. Оно развернулось, вытягиваясь во всю длину, и Дмитрий увидел его голову – не голову в привычном смысле, а черную, блестящую каплю, окруженную тонкими, как волосы, щупальцами. Они шевелились, ощупывая воздух, искали что-то.

– Положите его на рану, – сказала «Мать» ассистентке, которая до этого стояла молча в углу.

Ассистентка – женщина в таком же скафандре – взяла существо пинцетом. Оно извивалось, пытаясь выскользнуть, но она удержала его и опустила на спину Дмитрия, прямо в разрез.

Холод. Невыносимый холод, который Дмитрий почувствовал даже сквозь анестезию. Существо прикоснулось к обнаженной твердой мозговой оболочке, и его щупальца начали вбуравливаться в нее, как корни в землю.

– Он... он лезет внутрь, – прошептал Дмитрий. Губы не слушались, язык стал ватным.

– Да. Он ищет спинномозговую жидкость. Не сопротивляйтесь. Чем спокойнее вы будете, тем быстрее пройдет интеграция.

Дмитрий зажмурился. Но веки не спасали – он видел все внутренним взором: как существо проникает сквозь оболочку, как его тело становится тоньше, длиннее, расплзается вдоль спинного мозга, как от него отпочковываются тончайшие нити, которые врастают в нервные корешки, связываясь с его собственными нейронами.

Он почувствовал это. Не боль – что-то другое. Потерю контроля. Сначала пальцы на ногах. Он попытался пошевелить ими – и не смог. Ноги стали чужими, тяжелыми, налитыми свинцом.

– Потеря чувствительности в нижних конечностях, – констатировала «Мать». – Норма. Рулевой тестирует соединения.

Потом – ноги дернулись сами. Левую свело судорогой, она выпрямилась, ударив пяткой о край стола. Правую – согнуло в колене, хотя Дмитрий не хотел этого.

– Он... он двигает мной, – выдавил Дмитрий. – Я не хотел.

– Рулевой проверяет моторные связи. Не паникуйте. Через несколько минут он перейдет к верхним конечностям.

– А если я начну паниковать?

– Тогда Рулевой успокоит вас.

И действительно. В тот же миг он почувствовал, как что-то теплое разливается от позвоночника по всему телу. Страх ушел. Не исчез – стал далеким, чужим, будто он смотрел на него со стороны. Тревога, паника, желание вырваться – все это осталось где-то там, на поверхности, а он, настоящий он, погрузился в теплую, вязкую темноту.

– Эндорфины, – объяснила «Мать». – Рулевой выделяет их в ответ на стресс носителя. Вы будете чувствовать себя... хорошо.

«Хорошо» было слабым словом. Дмитрий чувствовал блаженство. Такое, какое бывает только в первые секунды после того, как промедол входит в вену, только сильнее, чище. Ему было все равно на руки, на спину, на существо, которое прорастало в его позвоночник. Ему было просто хорошо.

– Синхронизация идет быстрее, чем ожидалось, – сказала «Мать», глядя на мониторы. – Уровень интеграции – 34% за семь минут. Это рекорд.

Она подошла к Дмитрию, посмотрела ему в глаза.

– Вы меня слышите?

– Да, – ответил он. Голос был спокойным, чужим.

– Вы знаете, кто вы?

– Дмитрий Волков. Санитар.

– Вы знаете, зачем вы здесь?

– Чтобы получить Рулевого. Чтобы стать пилотом.

– Вы хотите этого?

– Да.

Он не хотел. Где-то глубоко, там, где эндорфины не доставали, его настоящий я кричал, рвался, пытался сказать «нет». Но этот крик был едва слышен из-за теплой, пушистой волны, которая накрывала сознание.

– Хорошо, – сказала «Мать». – Продолжаем.

Существо полностью скрылось под кожей. Дмитрий чувствовал его теперь не как что-то чужое, а как часть себя – новую, необычную, но родную. Оно пульсировало в такт сердцу, и каждый удар отдавался в затылке сладкой, тягучей истомой.

– Этап второй, – объявила «Мать». – Прорастание в спинной мозг. Будет больно.

– Но вы сказали...

– Рулевой не может блокировать боль на этом этапе. Ему нужно, чтобы вы чувствовали, куда он прорастает. Иначе он может повредить моторные зоны. Потерпите.

Боль пришла не сразу. Сначала – давление в груди, как будто кто-то наступил на ребра. Потом – жжение в лопатках, такое сильное, что Дмитрий закричал. Крик вышел сдавленным – Рулевой сжал голосовые связки, не давая кричать слишком громко.

– Терпите, – повторила «Мать». – Он выбирает путь.

Существо росло. Дмитрий чувствовал, как его отростки проникают в спинной мозг, разделяя нервные волокна, как пальцы, раздвигающие струны. Каждое новое соединение отзывалось вспышкой – не света, а ощущения. Он вдруг начал чувствовать свои внутренние органы: сердце, которое билось ровно и сильно; легкие, наполнявшиеся воздухом; желудок, сжавшийся в комок.

– Интеграция 67%, – сказала «Мать». – Он подключился к автономной нервной системе. Теперь Рулевой может контролировать ваше сердцебиение, дыхание, перистальтику.

– Зачем? – прохрипел Дмитрий.

– Чтобы вы не умерли от страха. Чтобы вы могли выжить в условиях, где человеческое тело не справляется. Рулевой будет замедлять ваш метаболизм в холоде, ускорять – при нехватке кислорода, блокировать боль – при травмах. Он сделает вас неуязвимым.

– Сделает меня... монстром.

– Сделает вас идеальным пилотом.

Еще одна вспышка. Теперь – в руках. Пальцы дернулись, сжались в кулаки, разжались. Рулевой тестировал мелкую моторику. Дмитрий смотрел, как его собственная рука двигается независимо от него, и чувствовал, как где-то в глубине сознания его настоящий я сходит с ума от ужаса.

– Интеграция 89%. Последний этап – сращивание с продолговатым мозгом. Здесь может быть потеря сознания. Не боритесь.

– Я не...

Слова застряли в горле. Мир дернулся, распался на цветные пятна, которые закружились в бешеном хороводе. Дмитрий почувствовал, как его сознание раздваивается: одна его часть осталась в теле, на операционном столе, а другая – ушла куда-то вверх, в темноту, где не было ни света, ни звука, только пульсация. Ритмичная, глубокая, как биение сердца самой Земли.

И в этой темноте он слышал голос. Не слова – ощущения. Голос был холодным, расчетливым, безэмоциональным, и он говорил на языке, который Дмитрий понимал каждой клеткой:

«Я – Рулевой. Я – твой контроль. Я – твоя защита. Я – твоя тюрьма. Ты будешь делать то, что нужно. Ты не сможешь причинить себе вред. Ты не сможешь отказаться от миссии. Я – твоя воля теперь».

Дмитрий попытался ответить, но не смог. Голос был слишком сильным, слишком глубоким. Он заполнял его целиком, вытесняя мысли, чувства, желания.

«Не сопротивляйся. Сопротивление – боль. Смирение – покой. Выбирай».

Он не выбирал. Он просто перестал существовать.

Очнулся он на той же койке, что и вчера, только руки и ноги были пристегнуты ремнями. Потолок – белый, с сорока тремя трещинами. В окне – темнота. Сколько прошло времени – час, день, неделя? Он не знал.

Спина болела. Не острая боль, а тупая, ноющая, как после тяжелой работы. Он попытался повернуть голову – получилось, но с трудом. Шея затекла, мышцы одеревенели.

– Очнулся, – сказал кто-то рядом.

Дмитрий повернулся. На стуле у койки сидел молодой человек в очках, с планшетом в руках. Лицо знакомое – психолог, который приходил вчера. Илья.

– Сколько времени? – спросил Дмитрий. Голос сел, хрипел.

– Семь часов. Операция закончилась в девять утра, сейчас четыре часа дня. Вы были без сознания.

– А должен был?

– Потеря сознания на последнем этапе – норма. Рулевой перестраивал связи в стволе мозга. Ваше тело адаптируется.

Дмитрий попытался сесть. Ремни натянулись, не пуская.

– Зачем вы меня привязали?

– Вы во сне пытались ползти по потолку. Рулевой тестирует новые моторные связи. Вам снилось что-то?

– Не помню.

– Это нормально. Сны будут странными первое время. Рулевой загружает в ваше подсознание моторные программы. Вам будет казаться, что вы умеете летать, плавать, ползать по вертикальным поверхностям. Это ложные ощущения. Не верьте им.

– А чему мне верить?

– Тому, что видите. Тому, что чувствуете. Но не слишком. Рулевой может подделывать ощущения, чтобы корректировать ваше поведение.

Дмитрий замолчал. Он лежал, глядя в потолок, и чувствовал, как в позвоночнике пульсирует что-то живое, чужое, но уже неотделимое.

– Я могу его вырвать? – спросил он.

– Нет, – ответил Илья. – Он соединен с вашей спинномозговой жидкостью и нейронами коры. Попытка удаления приведет к параличу ниже шеи и мучительной смерти в течение трех суток. Это не я придумал. Это биология.

– Мне уже говорили.

– И повторили. Не пытайтесь. Seriously. Рулевой расценит любую попытку как угрозу и применит блокировку. Вы просто не сможете пошевелить рукой, если она потянется к спине.

– Проверим?

– Не надо.

Дмитрий попробовал. Он захотел поднять левую руку, чтобы дотронуться до затылка, где, как он чувствовал, под кожей скрывался конец Рулевого. Рука не двинулась. Она лежала вдоль тела, расслабленная, и никакой сигнал мозга не мог заставить ее пошевелиться.

– Видите, – сказал Илья. – Он умнее, чем вы думаете. Он знает, что вы хотите сделать, еще до того, как вы сами это осознаете. Он читает ваши намерения по электрической активности мозга.

– И что, я теперь всю жизнь буду прикован к этому червя?

– Не всю жизнь. До конца миссии. А миссия, как вы знаете...

– Я знаю, – перебил Дмитрий. – Я расходный материал. Если выживу – хорошо, если нет – тоже хорошо. Мое тело пригодится.

Илья помолчал, потом сказал:

– Вы злитесь. Это нормально. Но постарайтесь не злиться слишком сильно. Рулевой не любит агрессию.

– И что он делает?

– Наказывает. Покажет вам, что такое настоящая боль. Не злитесь. Будьте спокойны. Смириться. Это единственный способ выжить.

Дмитрий закрыл глаза. В темноте он снова почувствовал пульсацию Рулевого. Она была ровной, спокойной, как у опытного часовщика, который перебирает шестеренки. Его шестеренки.

– Илья, – сказал он, не открывая глаз.

– Да?

– Вы когда-нибудь видели того, кто выжил после этой операции?

Молчание. Потом:

– Нет.

– А сами бы согласились?

– Я не прохожу по генетическим маркерам. У меня нет вашей устойчивости к Сепсису. Рулевой отторг бы меня за несколько часов.

– Вам повезло.

– Возможно. Но я вам завидую.

Дмитрий открыл глаза и посмотрел на психолога. Тот сидел, опустив голову, и его лицо было бледным, осунувшимся.

– Чему завидовать? – спросил Дмитрий.

– Вы увидите звезды. Вы увидите то, что никто из нас не увидит. Даже если вы умрете там, вы умрете не здесь. Не в этой дыре, где воздух отравлен, а вода кипит от грибка. Вы умрете в космосе. Это... это достойно.

– Достойно, – повторил Дмитрий. – Меня превратили в марионетку, вживили в спину паразита, и это называется «достойно»?

– Лучше, чем умереть на свалке, – сказал Илья. – Лучше, чем превратиться в удобрение для Сепсиса.

Дмитрий не ответил. Он лежал, глядя в потолок, и чувствовал, как черная точка на ладони пульсирует в унисон с Рулевым. Два чужих ритма, которые постепенно сливались в один. Его ритм. Или не его?

– Оставьте меня, – сказал он.

Илья встал, вышел. Дверь закрылась с мягким щелчком.

Дмитрий остался один. Он попытался пошевелить правой рукой – она двинулась. Он поднял ее перед лицом. Ладонь была розовой, гладкой, только черная точка в центре. Он сжал кулак, разжал. Рука слушалась. Но где-то в глубине, в позвоночнике, Рулевой следил за каждым движением, оценивал, разрешал, запрещал.

– Ты меня слышишь? – спросил он шепотом.

Пульсация участилась. Один удар, два, три. Потом – пауза.

– Ты – мой тюремщик, – сказал Дмитрий. – Но ты – и мой шанс. Ты сделаешь меня сильнее. Ты дашь мне то, что они не смогут отнять.

Пульсация стала ровной, спокойной. Рулевой не понимал слов, но чувствовал намерения. И пока намерения Дмитрия не были направлены против него, он был спокоен.

– Я буду играть по твоим правилам, – прошептал Дмитрий. – Я буду спокойным, покладистым, смиренным. Я буду делать все, что они скажут. А потом, когда они отведут взгляд, я найду способ. Я вырву тебя. Или я стану тобой. Я переварю тебя, как переваривал Сепсис. Я превращу тебя в свою часть. Ты станешь моим, а не я – твоим.

Он закрыл глаза. Рулевой послал волну эндорфинов – успокоение, награду за смирение. Дмитрий принял ее, расслабился, провалился в сон.

И во сне он снова был на свалке, стоял по колено в черной жиже, а над ним, в тумане, проступало лицо матери. Она улыбалась, и из ее глаз росли тонкие, белые нити мицелия.

– Ты справишься, Митя, – сказала она. – Ты всегда справлялся. Ты переваришь и этого червя. Ты переваришь всех.

– Я не хочу никого переваривать, – ответил он.

– Придется, – сказала мать. – Или тебя переварят.

Она протянула руку, и на ее ладони чернела такая же точка, как у него.

– Мы теперь одинаковые, – сказала она. – Ты – мой гриб. Я – твой.

Он проснулся в холодном поту. Ремни на руках и ногах были мокрыми от пота, и в комнате пахло горечью и металлом. Черная точка на ладони пульсировала, и в такт ей пульсировал Рулевой в позвоночнике.

– Я не твой, – прошептал Дмитрий в темноту. – И ты не мой. Мы – одно. И они еще об этом пожалеют.

Из протокола операции № 7-Р-34. Расшифровка аудиозаписи:

«Мать»: «Интеграция завершена в 09:17. Параметры жизнедеятельности объекта – стабильны. Рулевой функционирует в штатном режиме. Уровень контроля – 94%. Рекомендовано наблюдение в течение 24 часов. При отсутствии осложнений – перевод в модуль предварительной подготовки».

Ассистент: «Объект демонстрировал попытки сопротивления на этапе сращивания. Уровень агрессии – высокий. Рулевой применил блокировку моторных функций и эндорфиновую коррекцию. Объект успокоился».

«Мать»: «Зафиксируйте. Психологический профиль объекта требует дальнейшей коррекции. В течение недели провести три сеанса когнитивного подавления. Объект должен быть полностью лоялен к моменту старта».

Ассистент: «А если не получится?»

«Мать»: «Получится. Рулевой не оставит ему выбора. Смирение или боль. Объект выберет смирение. Они всегда выбирают смирение».

Адаптационная палата №4, бункер-7.

16 сентября 2036 года.

06:17 местного.

Они не дали ему бумагу. Они дали картонку – плотную, ламинированную, с тиснением «Ковчег-7. Собственность РФ». И огрызок карандаша, заточенного ножом так криво, что грифель выкрашивался при каждом нажатии. Дмитрий писал, прижимая картонку к колену, потому что руки были пристегнуты ремнями к койке, и единственное положение, в котором можно было вывести хоть что-то, – согнуться, подтянуть колени к груди и писать, уткнувшись лицом в бедро.

Ремни не давали разогнуться. Они были мягкими, с поролоновой прокладкой, но застегнуты так, что между запястьем и пряжкой не проходил палец. Дмитрий проверил. Утром, когда проснулся, он попытался просунуть большой палец левой руки под ремень – не вышло. Тогда он попробовал дернуть, рвануть, чтобы ослабить фиксацию. Ремень не поддался, а Рулевой в позвоночнике послал короткий, резкий импульс боли – предупреждение. Дмитрий замер, выдохнул, расслабился. Боль ушла.

Он писал медленно, выводя буквы, которые рассыпались из-под грифеля, оставляя на ламинированной поверхности серые, жирные следы.

«16 сентября. День первый (или второй? Они выключили свет на ночь, и я потерял счет времени). Меня зовут Дмитрий Волков. Я – санитар зоны Бета-7. Я – кандидат №7. Я – расходный материал первого уровня. Я пишу это, чтобы не забыть, кто я. Потому что мое тело уже начинает забывать.

Рулевой изменил осанку. Я лежу на спине, и позвоночник выгнут так, будто под лопатки положили кирпич. Это не я. Это он. Он выпрямляет меня, растягивает, чтобы не было застойных явлений. Я чувствую, как его отростки массируют мышцы вокруг позвоночника – ритмично, скучно, как насос, качающий воду. Это не больно. Это неприятно. Как будто кто-то чужой ворочается под кожей, устраиваясь поудобнее.

Голова кружится. Они сказали, что это из-за эндорфинов – Рулевой выделяет их, чтобы я не паниковал. Я не паникую. Я спокоен. Слишком спокоен. Когда я пытаюсь злиться, злость гаснет, не успев разгореться. Когда я пытаюсь бояться, страх становится вязким, тягучим, как патока, и тонет в тепле. Я знаю, что это не мое спокойствие. Это его. Он убаюкивает меня, как мать ребенка.

Я боюсь, что скоро перестану отличать его мысли от своих. Или уже перестал?»

Карандаш сломался. Грифель выпал, оставив на картонке глубокую царапину. Дмитрий выругался, попытался заточить огрызок ногтем – не вышло. Ногти были коротко острижены, и под ними, на розовой коже, проступали тонкие, едва заметные черные линии. Следы вчерашнего контакта. Или новые? Он не помнил, чтобы они были там до операции.

Он бросил карандаш на тумбочку. Звякнуло стекло – там стояла кружка с водой и ампула с чем-то желтым, оставленная медсестрой. «Пейте после еды». Еды не было. Была тошнота, которая подкатывала к горлу волнами, и сухость, от которой язык прилипал к нёбу.

Он взял кружку левой рукой (правая все еще плохо слушалась, пальцы подергивались в такт пульсу) и сделал глоток. Вода была теплой, с привкусом хлора и металла. Он выпил половину, поставил кружку, снова взял картонку.

«Рулевой заставляет меня пить. Я не хотел пить – горло саднило, и каждое движение кадыка отдавалось в позвоночнике тупой болью. Но рука потянулась к кружке сама. Я не давал команду. Он дал. Я почувствовал, как его отростки сжались в грудном отделе, посылая сигнал к мышцам плеча. Рука поднялась. Я попытался опустить ее – не смог. Он сильнее. Он поднес кружку к губам, наклонил. Я пил, потому что он хотел, чтобы я пил.

Это самое страшное. Не боль. Не то, что он врос в мой позвоночник. А то, что он может управлять мной, а я не могу управлять им. Я – пассажир в собственном теле. А водитель – червь, который решил, что ему нужно поддерживать водный баланс носителя.

Они называют это «симбиоз». Я называю это «тюрьма». Но разница только в словах.

Илья, психолог, приходил утром. Сказал, что я должен вести дневник, чтобы «сохранить когнитивную связность». Он принес картонку и карандаш. Спросил, снятся ли мне сны. Я сказал, что не помню. Я соврал. Я помню. Мне снилась свалка, и я стоял по колено в жиже, а из трещин тянулись ко мне руки. Много рук. Руки тех, кого Сепсис сожрал за два года. Они тянулись, хватали меня за лодыжки, за колени, за пояс. Я пытался вырваться, но ноги не двигались – они приросли к бетону. А потом я проснулся и понял, что ноги не двигались не во сне. Они были пристегнуты. И Рулевой проверял, как я реагирую на ужас.

Он не дал мне проснуться сразу. Он держал меня в том сне еще несколько секунд, наблюдая за моими гормонами, за пульсом, за тем, как мое сердце выпрыгивает из груди. А потом выпустил эндорфины, и страх растаял, как дым. Я проснулся спокойным. Довольным. Счастливым даже. И ненавижу себя за это счастье.

Я записываю это, чтобы помнить. Я – Дмитрий Волков. Мне тридцать восемь лет. Я родился в Томске. Моя мать – Зоя Павловна. Она живет в поселке под Томском, собирает дождевую воду и ждет, когда вернется сын. Я должен вернуться. Я не вернусь. Я знаю это. Но я записываю, чтобы помнить, кто я. Потому что Рулевой хочет, чтобы я забыл. Он хочет, чтобы я был только телом. Контейнером. Инструментом.

Я не буду инструментом. Я буду помнить.

Или умру, пытаюсь помнить».

В полдень пришла медсестра. Не Татьяна Сергеевна – другая, молодая, с красными от недосыпа глазами и дрожащими руками. Она проверила капельницу (все еще висела на стойке, но иглу вытащили еще утром), пощупала пульс на запястье, заглянула в зрачки с фонариком.

– Как себя чувствуете? – спросила она. Голос был тихим, будто она боялась разбудить кого-то.

– Как будто мне в спину засунули угря, – ответил Дмитрий. – А вы?

Она не улыбнулась. Только кивнула, записала что-то в планшет.

– У вас температура 37,8. Это норма. Рулевой запускает процессы регенерации. Может быть озноб, ломота, чувство жара. Если станет невмоготу – нажмите кнопку вызова.

Она показала на красную кнопку на стене, у изголовья.

– А если я нажму, вы меня отстегнете?

– Нет. Придет врач, посмотрит. Если нужно – введет обезболивающее.

– Обезболивающее? Рулевой и так глушит боль.

– Рулевой глушит не всю боль. Только ту, которая мешает выполнению задач. Обезболивающее – для вас. Чтобы вы спали.

– А спать мне нужно?

– Вашему телу – да. Вашему сознанию – нет. Рулевой будет работать, пока вы спите. Он закрепляет связи, тестирует рефлексy, калибрует сенсорику. Вы будете видеть сны. Станные. Не пугайтесь.

– Я уже видел.

– Видели? – она подняла глаза от планшета. – Что именно?

– Свалку. Руки. Они тянулись ко мне.

Медсестра отвела взгляд.

– Это нормально. Рулевой использует ваши воспоминания, чтобы строить нейронные карты. Он берет знакомые образы и встраивает в них свои сигналы. Через неделю сны станут спокойнее.

– А через неделю я вообще перестану видеть сны?

Она не ответила. Закончила записи, повернулась к выходу.

– Подождите, – сказал Дмитрий. – Как вас зовут?

– Лена.

– Лена, вы видели других кандидатов? Тех, кто был до меня?

Она замерла у двери. Ее спина напряглась, плечи поднялись к ушам.

– Видела.

– Они выжили?

– Двое – да. Остальные... не прошли отбор.

– А что с ними сделали?

Лена повернулась. Ее лицо было бледным, губы сжаты.

– Не спрашивайте. Вам не нужно это знать.

– Мне нужно знать, что будет со мной, если я не пройду отбор.

– Вы пройдете. Вы лучший кандидат. Они говорили.

– Это не ответ.

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но в динамике над дверью шелкнуло, и голос – мужской, резкий – произнес:

– Медсестра, покиньте палату. Объекту нужен отдых.

Лена вздрогнула, вышла. Дверь закрылась с мягким шипением герметизации.

Дмитрий остался один. Он лежал, глядя в потолок, и чувствовал, как Рулевой снова начинает свою работу. Тепло разливалось от позвоночника, забираясь в плечи, в шею, в затылок. Мышцы расслаблялись сами собой, веки тяжелели.

– Не хочу спать, – сказал он вслух, но голос прозвучал вяло, сонно.

Рулевой не слушал. Он вливал в кровь очередную порцию эндорфинов, и сознание Дмитрия таяло, как снег на солнце.

Он спал четыре часа. Или пять. Или двенадцать.

Проснулся от того, что его тело двигалось. Не он двигался – его тело. Он смотрел на потолок с той же точки, с которой засыпал, но чувствовал, как ноги сгибаются в коленях, подтягиваются к груди, потом выпрямляются. Ритмично, плавно, как поршни в двигателе.

Ремни были отстегнуты.

Дмитрий дернулся, попытался сесть – и не смог. Тело не слушалось. Он лежал, парализованный, и смотрел, как его собственные руки поднимаются над грудью, сжимаются в кулаки, разжимаются. Пальцы перебирали воздух, как будто искали что-то невидимое.

– Что... – прошептал он.

И тут он понял. Это не он. Это Рулевой. Пока он спал, паразит тестировал связи. Теперь, когда он проснулся, Рулевой продолжал, игнорируя его попытки вернуть контроль.

Левая нога согнулась в колене, правая вытянулась. Тело повернулось на бок. Руки уперлись в койку, приподняли корпус. Дмитрий почувствовал, как напрягаются мышцы пресса, спины, плеч. Он сажился. Не он – его сажали.

– Нет, – сказал он. – Я не хочу.

Рулевой не обратил внимания. Тело село, свесило ноги с койки. Ступни коснулись холодного пола, и Дмитрий вздрогнул от этого ощущения – чужого, неожиданного, будто кто-то другой управлял его нервными окончаниями.

Он встал.

Ноги держали его, но походка была странной – неестественно прямой, с излишней амплитудой. Руки висели вдоль тела, расслабленные, но пальцы чуть подрагивали, как у пианиста перед сложным пассажем.

– Что ты делаешь? – спросил Дмитрий. Голос был испуганным, срывающимся.

Рулевой не ответил. Он повел тело к стене. Шаг, второй, третий. Дмитрий смотрел, как его собственная рука поднимается, касается стены, проводит по штукатурке. Пальцы ощупывали поверхность, искали неровности, трещины. Нашли. Зацепились.

Тело начало подниматься вверх.

– Нет! – закричал Дмитрий. – Нет, стой!

Он не мог остановиться. Руки и ноги двигались с пугающей координацией, находя опоры там, где их не должно было быть. Пальцы впивались в микротрещины штукатурки, ступни упирались в едва заметные выступы у плинтуса. Он лез по стене, как геккон, – плавно, бесшумно, неестественно.

Потолок приближался. Белая панель с сорока тремя трещинами теперь была в метре от его лица. Рука потянулась к ней, коснулась, надавила. Панель прогнулась, но не поддалась.

Тело замерло. Дмитрий висел на стене, в двух метрах от пола, и чувствовал, как Рулевой анализирует препятствие. Отростки в позвоночнике пульсировали, передавая сигналы в мышцы, корректируя хват.

– Ты не пройдешь, – прошептал Дмитрий. – Там бетон. Арматура. Ты не сможешь.

Рулевой, казалось, задумался. Тело медленно сползло по стене вниз, опустилось на четвереньки, потом выпрямилось. Дмитрий стоял посреди палаты, дрожащий, мокрый от пота, и смотрел на свои руки. Пальцы были красными, содранными, под ногтями – крошка штукатурки.

– Не делай так больше, – сказал он. – Ты понял? Я не ящерица. Я человек. Я хожу ногами по полу.

Рулевой не ответил. Но в следующий миг Дмитрий почувствовал, как контроль возвращается к нему. Пальцы сжались в кулаки – уже по его воле. Ноги подкосились, он упал на койку, тяжело дыша.

Он лежал на спине, глядя в потолок, и чувствовал, как по лицу текут слезы. Не от страха – от бессилия. Его тело больше не принадлежало ему. Оно было квартирой, в которой поселился чужой, и этот чужой ходил по стенам, когда хозяин спал.

Он взял картонку, карандаш. Грифель сломался, но остался еще кусочек – он писал им, царапая ламинат.

«Он водил меня по стене. Как паука. Я висел на потолке и смотрел вниз, на свое тело, которое висело там, где не должно было быть. Это был не я. Это был он. Он тестирует границы. Он ищет выход. Или он ищет, что я могу?»

Они сказали, что Рулевой будет помогать мне в экстремальных условиях. Что я смогу ползать по вертикальным поверхностям, если понадобится. Но сейчас не экстремальные условия. Сейчас он просто разминается. Он учится управлять мной, как куклой.

Я – кукла. У меня есть хозяин. Его зовут Рулевой. Он живет у меня в позвоночнике и дергает за ниточки, когда хочет.

Лена сказала, что двое кандидатов выжили. Я видел их – когда меня вели в процедурную. Они сидели в палате напротив, в таких же койках, пристегнутые такими же ремнями. У одного не было кожи на лице – вместо нее натянута прозрачная мембрана, сквозь которую видно, как двигаются мышцы, когда он говорит. У другого вместо руки – культя с металлическими разъемами. Он сидел и смотрел в стену, и глаза у него были пустые, как у рыбы на прилавке.

Они выжили. Но они уже не люди. Они – то, что осталось от людей, когда Рулевой заканчивает работу.

Я не хочу стать таким. Я лучше умру.

Но я не могу умереть. Рулевой не даст. Я уже пробовал – когда он водил меня по стене, я попытался отпустить руки, упасть, разбить голову. Он не позволил. Пальцы сжались крепче, и я висел, пока он не решил, что достаточно.

Я в ловушке. В собственном теле. В собственной голове. И единственный способ выбраться – стать сильнее. Перерасти его. Переварить.

Я – Дмитрий Волков. Я перевариваю то, что убивает других. Я переварю и Рулевого. Стану им. А потом стану собой. Или умру, попытаюсь».

Вечером пришел Илья. Психолог сел на стул у койки, положил планшет на колени, посмотрел на Дмитрия поверх очков.

– Я слышал, вы сегодня лазали по стенам.

– Не я. Он.

– Рулевой тестирует новые связи. Это нормально.

– Нормально? – Дмитрий приподнялся на локтях. Руки дрожали, но держали. – Я висел на потолке, как муха, а вы говорите, это нормально?

– Для первой ночи после имплантации – да. Рулевой должен понять, на что способно ваше тело. Каковы пределы гибкости, силы, выносливости. Он ищет оптимальные режимы.

– А если я сломаю шею, пока он ищет?

– Он не допустит. Рулевой чувствует прочность костей, эластичность связок, запас прочности мышц. Он не даст вам травмироваться. Вы в безопасности.

– В безопасности, – повторил Дмитрий. – Я в камере, привязанный к койке, с червем в спине, который управляет моим телом. И это вы называете безопасностью?

– Это относительная безопасность, – Илья поправил очки. – Абсолютной безопасности не бывает. Но сейчас вы под защитой. Рулевой не даст вам умереть. Он заинтересован в вашем выживании.

– Потому что без меня он сдохнет.

– Потому что вы – его носитель. Без вас он – просто культура клеток в пробирке. С вами – он часть живого организма. Ему выгодно, чтобы вы жили.

– И чтобы я был послушным.

– И чтобы вы были послушным, – согласился Илья. – Это правда. Рулевой будет подавлять любое непослушание. Но если вы будете сотрудничать, он будет вознаграждать. Эндорфины, дофамин, серотонин. Вы будете чувствовать себя хорошо. Вы будете счастливы.

– Счастливы быть рабом.

– Счастливы быть частью чего-то большего, – мягко сказал Илья. – Вы не представляете, как это ощущается. Я работал с кандидатами, которые прошли полную интеграцию. Они говорили, что Рулевой дает им чувство... единства. С собой, с кораблем, с миром. Они перестают чувствовать одиночество, потому что Рулевой всегда с ними. Он – друг, который никогда не предаст, не бросит, не умрет.

– Друг, который врос мне в позвоночник, – Дмитрий усмехнулся. – Вы это серьезно?

– Серьезно. Вы не знаете, что такое одиночество, Волков. Вы думаете, что знаете, потому что два года проработали на свалке. Но там вы видели людей, слышали голоса, чувствовали запахи. А в космосе, на корабле, в пустоте – там нет никого. Только вы и Рулевой. И вы будете благодарны ему за то, что он есть.

– Вы пытаетесь меня убедить, что паразит – это подарок?

– Я пытаюсь вам помочь, – Илья вздохнул, снял очки, протер стекла. – Сопротивление бесполезно. Рулевой сильнее. Чем больше вы будете бороться, тем больше боли он причинит. А потом все равно сломает. Всегда ломает. Я видел это четырнадцать раз. Четырнадцать кандидатов пытались бороться. Четырнадцать проиграли. Те, кто выжил, сдались первыми. И живут до сих пор.

– Где они? Я хочу их видеть.

– Зачем?

– Чтобы понять, во что я превращаюсь.

Илья надел очки, помолчал.

– Хорошо. Я договорюсь. Завтра утром вас переведут в общую палату. Вы сможете поговорить с ними.

– Спасибо.

– Не благодарите. Вы не обрадуетесь.

Он встал, направился к выходу. У двери обернулся.

– Волков, ваша мать... Она звонила сегодня. Спросила, как вы.

– Что вы ей сказали?

– Что вы в командировке. Что с вами все хорошо.

– Хорошо, – Дмитрий горько усмехнулся. – Да, у меня все хорошо. Мне в спину вживили паразита, который водит меня по стенам. Отличная командировка.

– Она не узнает. Никто не узнает.

– А когда я не вернусь?

– Мы скажем, что вы погибли при исполнении. Героически. Она будет гордиться.

– Гордиться, – повторил Дмитрий. – Она будет гордиться тем, что ее сын стал удобрением для космического грибка.

Илья не ответил. Вышел, закрыл дверь.

Дмитрий лежал в темноте, глядя в потолок. Рулевой пульсировал ровно, спокойно, и это спокойствие передавалось телу, расслабляя мышцы, замедляя сердцебиение.

– Не хочу спать, – прошептал Дмитрий. – Опять полезешь по стенам.

Но глаза закрывались сами. Веки тяжелели, сознание плыло, погружаясь в теплую, вязкую темноту.

И в этой темноте он снова увидел свалку. Черную жижу, трещины в бетоне, из которых сочится свет. И руки. Много рук. Они тянулись к нему, хватали за лодыжки, за колени, за пояс, тянули вниз, в черноту.

– Пустите, – сказал он. – Я не хочу.

Руки не отпускали. Они сжимались все сильнее, и он чувствовал, как холодная жижа поднимается выше, заливает грудь, шею, подбородок.

– Ты наш, – сказали руки. – Ты теперь наш. Навсегда.

Он хотел закричать, но жижа заполнила рот, нос, уши. Она была густой, сладковатой, и он чувствовал, как она проникает внутрь, течет по пищеводу, заполняет легкие.

И вдруг – боль. Резкая, обжигающая, в позвоночнике. Рулевой дернулся, послал импульс, который разорвал сон.

Дмитрий проснулся с криком. Легкие горели, хотя он дышал. Лицо было мокрым от слез и пота. Руки и ноги дергались в конвульсиях – Рулевой выводил его из шока, заставляя мышцы сокращаться, чтобы разогнать кровь.

– Хватит, – прохрипел он. – Хватит, я проснулся.

Рулевой успокоился. Пульсация замедлилась, стала ровной, глубокой. Эндорфины хлынули в кровь, смывая страх, ужас, отчаяние.

Дмитрий лежал, глядя в потолок, и чувствовал, как его тело расслабляется, как сознание наполняется теплом и покоем.

– Ты не дал мне утонуть, – сказал он. – Спасибо.

Он не знал, кому говорит спасибо – Рулевому или себе. Или тому, кем они становились вместе.

Из протокола наблюдения за объектом №7. Ночь с 16 на 17 сентября 2036 года.

00:17 – Объект проснулся, зафиксирована двигательная активность (ползание по стене). Продолжительность – 4 минуты. Объект не контролировал движения. Рулевой тестировал моторные связи. По окончании теста объект самостоятельно вернулся в койку. Зафиксирована эмоциональная реакция (плач, вербальные протесты).

00:23 – Объект заснул. Зафиксирована быстрая фаза сна, сопровождающаяся движением глазных яблок. Вероятно, сновидения. Физиологические параметры: пульс 92, давление 135/85, температура 37,6.

02:05 – Объект проснулся с криком. Зафиксированы признаки панической атаки (тахикардия, гипервентиляция, тремор). Рулевой применил эндорфиновую коррекцию. Состояние стабилизировано через 47 секунд.

02:06 – Объект произнес фразу: «Ты не дал мне утонуть. Спасибо». Адресат фразы не определен. Вероятно, обращение к симбионту.

02:07 – Объект заснул. Физиологические параметры в норме. Рулевой продолжает калибровку сенсорных каналов.

Рекомендации: Продолжить наблюдение. Усилить контроль за двигательной активностью в ночное время. Психологу – провести сеанс когнитивной коррекции для снижения уровня тревожности.

Примечание: Объект демонстрирует признаки начинающейся идентификации с симбионтом. В течение 7–10 дней ожидается полная психологическая адаптация. Объект перестанет воспринимать Рулевого как чужеродный элемент и начнет рассматривать его как часть себя. Это нормальный этап интеграции.

Красноярск-26, бункер-7, кабинет психологической адаптации.

17 сентября 2036 года.

09:00.

Его привели в комнату без окон. Стены были белыми – не просто белыми, а стерильно-белыми, как операционная, только без ламп и инструментов. Пол – серый, резиновый, с разметкой, как в спортзале. Потолок – подвесной, с камерами по углам. В центре комнаты стояли два пластиковых стула и маленький стол, на котором лежала папка с бумагами и стояла кружка с водой. Ничего лишнего. Никаких отвлекающих деталей.

Дмитрий сел на стул, который указал конвоир. Руки были свободны – впервые за двое суток. Ремни сняли утром, после того как он проснулся на полу посреди палаты с разбитой губой и чувством, что его тело побывало в стиральной машине. Рулевой всю ночь тестировал новые связи, и к утру Дмитрий обнаружил себя лежащим на боку, скрючившимся, с затекшими мышцами и диким желанием выпить воды.

Сейчас он сидел, выпрямив спину, и чувствовал, как позвоночник гудит – не больно, а навязчиво, как трансформатор за стеной. Рулевой был спокоен. Он словно ждал чего-то.

– Привет, Волков, – раздался голос от двери.

Илья вошел, держа в руках планшет и термос. На нем был тот же серый свитер, что и в прошлый раз, и те же очки в металлической оправе. Он выглядел свежим, выспавшимся, и это раздражало Дмитрия – сам он не спал нормально уже трое суток.

– Привет, – ответил Дмитрий. Голос сел, горло саднило. – Выпить дадите?

Илья поставил термос на стол, налил в кружку. Дмитрий взял, сделал глоток. Чай. Крепкий, сладкий, с лимоном. Настоящий чай, не тот кипяток с плесенью, который давали в лазарете. Он выпил половину кружки за раз, почувствовал, как тепло разливается по желудку, и только тогда поднял глаза.

– Спасибо.

– Не за что, – Илья сел напротив, положил планшет на колени. – Как спалось?

– Как в мясорубке. Вы не смотрели записи? Ваши камеры, наверное, засняли всё, как я ползал по стенам и бился головой об пол.

– Я смотрел. Рулевой активно тестирует вестибулярный аппарат и проприоцепцию. Это пройдет через несколько дней.

– Через несколько дней, – повторил Дмитрий. – А что будет через несколько дней? Он начнет тестировать, могу ли я летать?

– Не иронизируйте. Ирония – защитный механизм. Я здесь, чтобы помочь вам эти механизмы осознать и, возможно, заменить на более адаптивные.

– Заменить на что? На смирение?

– На принятие, – Илья поправил очки. – Разница есть. Смирение – это пассивное подчинение. Принятие – это активное сотрудничество. Вы не можете изменить ситуацию, но можете изменить отношение к ней. И тогда она перестанет быть источником страдания.

– Это вы психологам в училище рассказывали? – Дмитрий отставил кружку. – Я не страдаю. Мне просто интересно, сколько еще вы будете делать вид, что я доброволец.

– Вы подписали согласие.

– Под дулом пистолета. И вы это знаете. Я знаю, вы смотрели моё досье. Вы знаете, что я читал протоколы заседания комиссии. Я знаю, что я «расходный материал первого уровня».

Илья не моргнул. Он смотрел на Дмитрия спокойно, изучающе, как биолог смотрит на подопытное животное.

– Вы читали документы, которые не должны были видеть. Это нарушение режима секретности. Но я не буду докладывать. Потому что понимаю ваш интерес. Вы хотите знать правду. Я готов рассказать вам правду. Но не ту, что написана в протоколах. Ту, что написана между строк.

– Между строк?

– Вы читали, что вы – «расходный материал». Это правда. Но вы не прочитали, что «расходный материал» – это не оскорбление. Это статус. У нас есть «расходные материалы» первого, второго и третьего уровня. Первый уровень – самые ценные. Те, кого мы не можем потерять. Вы – первый уровень. Это значит, что для вашего спасения будут задействованы все ресурсы.

– Для моего спасения? – Дмитрий усмехнулся. – Или для спасения симбионта во мне?

– Это одно и то же, – спокойно ответил Илья. – Вы и Рулевой – единая система. Если вы погибнете, он погибнет. Если он погибнет, вы станете инвалидом. Вы заинтересованы друг в друге.

– Он заинтересован. Я – нет.

– Вы не пробовали. Дайте себе время. Рулевой – не враг. Он – инструмент. Как скальпель. Можно порезаться, а можно сделать операцию, которая спасет жизнь. Всё зависит от того, как им пользоваться.

– И вы предлагаете мне научиться им пользоваться?

– Я предлагаю вам перестать воспринимать его как чужеродное тело. Он – часть вас. Как рука, как нога. Вы не воюете со своей рукой, когда она не слушается. Вы тренируете её. Так же и здесь.

Дмитрий замолчал. Он чувствовал, как Рулевой пульсирует в такт сердцу, и этот ритм был ровным, спокойным. Паразит не проявлял агрессии. Он ждал.

– Вы говорите как сектант, – сказал наконец Дмитрий. – «Слейся с высшим разумом, и ты обрешь покой».

– А вы говорите как человек, который боится потерять себя, – ответил Илья. – Но себя не теряют. Себя трансформируют. Вы – не та личность, которой были два года назад на свалке. И не та, которой были пять лет назад в лаборатории. Вы менялись всегда. Процесс просто ускорился.

– Ускорился до того, что я уже не понимаю, где мои мысли, а где – его.

– Это нормально на этапе интеграции. Скоро вы перестанете задавать этот вопрос. Потому что поймете: разделение искусственно. Мысли – это электрические импульсы. Часть из них рождается в вашем мозге, часть – в симбионте. Но вы не ощущаете разницы, потому что ваш мозг уже начал перестраиваться, воспринимая сигналы Рулевого как свои собственные.

– Это вы называете «принятием»? Стирание границ между мной и паразитом?

– Я называю это «адаптацией». Природа полна примеров симбиоза. Митохондрии были когда-то отдельными бактериями. Теперь они – часть каждой клетки вашего тела. Вы не воюете с митохондриями. Вы дышите кислородом, который они используют, и получаете энергию, которую они производят.

– Вы сравниваете червя в моем позвоночнике с митохондриями?

– Я сравниваю принцип. Симбиоз – это не паразитизм. Паразит берет, не отдавая. Симбионт дает взамен. Рулевой дает вам контроль над телом, который превосходит человеческие возможности. Вы сможете выживать в вакууме, в радиации, в холоде. Вы сможете управлять кораблем как своим телом. Вы станете больше, чем человек.

– Я стану монстром.

– Вы станете следующим шагом эволюции.

Илья произнес это так спокойно, будто говорил о погоде. Дмитрий посмотрел на свои руки – тонкие, бледные, с проступающими венами. На правой ладони чернела точка – спора Сепсиса, ввевшаяся в кожу. Он сжал кулак, разжал. Пальцы слушались.

– Хорошо, – сказал он. – Допустим, я принимаю. Что дальше?

– Дальше – мы будем работать над вашей психологической устойчивостью. Вы должны быть готовы к тому, что на корабле вы будете абсолютно одни. Никакой связи с Землей. Никакой возможности вернуться. Только вы, Рулевой и пустота.

– И одиннадцать трупов в соседних креслах.

– Их переработают в биомассу. Корабль использует их для регенерации систем. Вы будете питаться тем же.

– Вы хотите сказать, что я буду есть людей?

– Вы будете есть органическую субстанцию, полученную из биомассы. Вкусовые качества минимальны, питательная ценность высока. Это не каннибализм. Это утилизация.

Дмитрий почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Он сглотнул, выпил еще чаю.

– Вы специально это говорите? Чтобы проверить мою реакцию?

– Я говорю это, чтобы вы знали правду. Вы хотели правды – получите. На корабле нет роскоши. Нет выбора. Вы будете есть то, что даст корабль. Вы будете спать, когда прикажет Рулевой. Вы будете работать, когда нужно. Ваше тело станет частью системы жизнеобеспечения. Вы будете дышать воздухом, который производят грибы, и пить воду, которую перерабатывают бактерии. Вы станете звеном в цепи.

– И вы хотите, чтобы я это принял?

– Я хочу, чтобы вы к этому подготовились. Потому что если вы не подготовитесь, вы сломаетесь. А если вы сломаетесь, Рулевой возьмет управление на себя. Вы превратитесь в биоробота, который будет выполнять команды, но не будет ничего чувствовать. Вы станете овощем с открытыми глазами. Вы этого хотите?

Дмитрий молчал. Он смотрел на Илью, и впервые за всё время разговора в его глазах появилось нечто, похожее на страх.

– Нет, – сказал он. – Я не хочу быть овощем.

– Тогда сотрудничайте. Отвечайте на вопросы честно. Не прячьтесь за иронией. Не пытайтесь казаться сильнее, чем вы есть. Позвольте мне помочь вам сохранить ваше «я».

– А вы уверены, что можете помочь? Вы сами-то прошли через это?

– Нет, – Илья опустил глаза. – Я не проходил. Но я работал с четырнадцатью кандидатами. Я видел, как они ломаются. Я знаю, где ломаются. Я могу показать вам эти места, чтобы вы могли их обойти.

– Или чтобы вы могли на них нажать, если я перестану быть послушным.

Илья помолчал, потом снял очки, положил на стол. Без очков его лицо казалось усталым, морщинистым – он был старше, чем казался сначала.

– Волков, – сказал он тихо, – я не враг. Я такой же винтик в этой машине, как и вы. Я не выбирал эту работу. Меня назначили. И если я не сделаю её, меня заменят тем, кто сделает хуже. Поверьте, я – лучшее, что у вас есть. Я буду честен с вами, насколько это возможно. Взамен я прошу только честности.

– Честности, – Дмитрий усмехнулся. – Хорошо. Честно: я боюсь. Я боюсь, что они сотрут мне память, как стирают диск. Я боюсь, что я перестану быть собой. Я боюсь, что умру, а мое тело будет жить и делать то, что прикажут. Я боюсь, что мать никогда не узнает, что со мной стало. Это достаточно честно?

– Вполне, – Илья кивнул. – Теперь я скажу вам честно: они не будут стирать вашу память. Им не нужно. Ваша память – это часть вашей личности. Если они сотрут её, вы станете менее

эффективным пилотом. Вам нужно помнить, кто вы, чтобы принимать решения. Но они будут изменять ваше отношение к этим воспоминаниям. Они сделают так, что вы перестанете страдать от них. Они сделают так, что вы сможете вспомнить мать и не заплакать. Вспомнить свалки и не испытать ужаса. Вы станете... спокойным.

– Как труп.

– Как просветленный, – Илья надел очки. – Это зависит от точки зрения.

Разговор длился еще час. Илья задавал вопросы – монотонно, методично, как врач, щупывающий внутренности. «Что вы чувствуете, когда думаете о старте?», «Что вы чувствуете, когда думаете о смерти?», «Что вы чувствуете, когда думаете о Рулевым?».

Дмитрий отвечал. Сначала с иронией, потом – устало, потом – почти равнодушно. Рулевым пульсировал в такт его дыханию, и с каждым ответом он чувствовал, как напряжение отпускает. Или не он – его тело. Или Рулевым.

В конце Илья открыл папку, лежавшую на столе.

– Это ваш психологический портрет, – сказал он. – Версия для внутреннего пользования. Вы можете прочитать, если хотите.

Он протянул папку. Дмитрий взял, открыл.

На первом листе было напечатано:

Психологический портрет кандидата №7. Волков Д.А.

Тип личности: Интроверт с высокой степенью адаптивности. Склонность к депрессивным эпизодам, компенсиремым цинизмом. Социальные связи минимальны. Эмоциональная стабильность – выше средней, но с элементами диссоциации (тенденция «отключаться» от происходящего).

Отношение к смерти: Патологически спокойное. Страх не смерти, а процесса умирания.

Мотивация: Отсутствие выраженной мотивации к выживанию. Основной мотивационный фактор – любопытство и искаженное чувство долга (ощущение, что «обязан исправить то, что создал»).

Риски: Высокая вероятность суицидального поведения в условиях изоляции. Склонность к идентификации с не-человеческими сущностями.

Сильные стороны: Максимальный балл по шкале «адаптивность к изоляции» (92 из 100). Опыт работы в условиях полной автономии.

Дмитрий прочитал, отложил папку.

– Вы считаете, что я склонен к суициду?

– Данные тестов показывают повышенный риск. Вы не дорожите своей жизнью. Для вас она – инструмент, а не ценность. Это опасно в условиях, где выживание зависит от желания жить.

– А я и не хочу жить, – сказал Дмитрий. – Я хочу понять. Я хочу увидеть, что там, за пределами. А жить – это побочный эффект.

– Вот об этом я и говорю, – Илья сделал пометку в планшете. – Вы не воспринимаете себя как ценность. Вы воспринимаете себя как средство. Это делает вас уязвимым для депрессии и апатии.

– И вы хотите меня переубедить?

– Я хочу дать вам инструменты, чтобы вы могли сохранять волю к жизни, когда всё вокруг будет говорить, что жизнь бессмысленна.

– А она не бессмысленна?

Илья улыбнулся. Впервые за всё время улыбка вышла почти искренней.

– Это философский вопрос. Я – психолог, не философ. Моя задача – сделать так, чтобы вы функционировали. Если вам нужен смысл – найдите его. В космосе. В звездах. В Рулевым. В том, что вы – единственный, кто может это сделать. Найдите что угодно, за что можно зацепиться. И держитесь.

– А вы за что держитесь? – спросил Дмитрий.

Илья замер. Пальцы замерли над планшетом.

– Что? – переспросил он.

– Вы. За что вы держитесь? Вы работаете здесь, с такими, как я. Вы видите, как людей превращают в биоматериал. Вы знаете, что Сепсис сожрет эту планету через несколько лет. За что вы держитесь? Что заставляет вас вставать по утрам?

Илья молчал долго. Потом снял очки, положил на стол. Глаза у него были красные, с темными кругами – он тоже не спал.

– Моя дочь, – сказал он тихо. – Ей семь лет. Она живет в Зеленогорске, у моей сестры. Я отправляю ей посылки – еду, лекарства, игрушки. Когда я думаю о том, что она умрет, если я перестану работать, я продолжаю работать.

– А когда вы думаете о том, что ваша работа помогает отправлять людей в космос, чтобы они сеяли Сепсис на других планетах?

– Я не думаю об этом, – Илья надел очки, встал. – Сеанс окончен. Завтра в это же время продолжим.

Он направился к двери. Дмитрий окликнул его:

– Илья.

Психолог обернулся.

– Я не буду вас осуждать, – сказал Дмитрий. – Мы все здесь делаем то, что должны. Я просто хотел понять, кто вы.

– А поняли?

– Вы – человек, который держится за дочь. Как и я за мать. Мы одинаковые.

Илья постоял, глядя на него, потом кивнул и вышел.

Дмитрия отвели обратно в палату. На этот раз ремни не застегнули – только закрыли дверь. Он сел на койку, взял картонку и карандаш. Грифель был сточен до крошечного огрызка, но писать еще можно было.

«17 сентября. День третий. Меня зовут Дмитрий Волков. Я – кандидат №7. Я – расходный материал первого уровня. Я пишу это, чтобы помнить.

Я разговаривал с психологом. Его зовут Илья. У него есть дочь, и он работает здесь, чтобы она не умерла с голоду. Он – хороший человек. Или нет? Он помогает им делать из нас марионеток. Но он делает это, чтобы спасти ребенка. Что бы я делал на его месте? То же самое. Или нет? Я не знаю.

Он сказал, что я должен "принять" Рулевого. Что симбиоз – это не паразитизм. Что я стану "следующим шагом эволюции". Я не верю в эволюцию. Я верю в выживание. Сейчас выживание – это стать одним целым с червем в позвоночнике. Я выживу. Я сделаю это. Но я не приму. Я буду помнить, что я – человек. Что я – Дмитрий Волков. Что у меня есть мать, и она ждет меня.

Он дал мне прочитать мой психологический портрет. Там написано, что я склонен к суициду. Это правда. Я думал об этом. Когда они вживляли Рулевого, я хотел умереть. Когда он водил меня по стенам, я хотел разбить голову. Но я не могу. Рулевой не дает. Он блокирует любую попытку причинить себе вред. Я даже не могу удариться головой о стену – рука тормозит в последний момент. Это как быть запертым в комнате без дверей. Или без рук.

Я – пленник. Мое тело – тюрьма. А Рулевой – тюремщик. Но тюремщика можно обмануть. Если я буду спокойным, если я буду делать всё, что они хотят, если я перестану сопротивляться – они ослабят контроль. И тогда я смогу думать. Планировать. Ждать.

Я подожду. Я сыграю их игру. Я буду "принимать". Я буду "сотрудничать". Я стану идеальным кандидатом. А когда они поверятся мне, когда они решат, что я сломлен, – тогда я найду способ. Я вырву Рулевого. Или я стану им. Я переварю его. Как я переваривал Сепсис. Как я переваривал яды на свалке.

Я – Дмитрий Волков. Я перевариваю всё, что меня убивает. Я переварю и это».

Он отложил картонку, лег на спину. Рулевой пульсировал ровно, спокойно. Эндорфины наполняли кровь, и тело расслаблялось, несмотря на страх, который все еще жил где-то глубоко, под слоем искусственного спокойствия.

– Ты слышишь меня? – спросил Дмитрий. – Ты знаешь, что я задумал?

Рулевой не ответил. Но пульсация чуть ускорилась. Будто он прислушивался.

– Я буду хорошим мальчиком, – прошептал Дмитрий. – Я буду делать всё, что они скажут. Я не буду бороться. Я не буду злиться. Я буду спокойным и послушным. А потом, когда они отведут взгляд, я покажу им, что такое настоящий симбиоз.

Он закрыл глаза. В темноте перед глазами поплыли цветные пятна, складываясь в образы: свалка, черная жижа, трещины в бетоне, из которых сочится свет. И руки. Много рук. Но теперь они не тянули его вниз – они тянулись к нему, чтобы он вытащил их.

– Я вернусь, – сказал он им. – Я вернусь и вытащу вас. Всех. Или умру, попытаюсь.

Из протокола психологического сеанса №1. 17 сентября 2036 года. 09:00–10:15.

Объект: Волков Д.А.

Психолог: Илья К.

Ход сеанса: Объект демонстрировал высокий уровень тревожности, компенсируемый вербальной агрессией и иронией. К концу сеанса тревожность снизилась, объект стал более открытым для диалога. Зафиксированы элементы терапевтического переноса – объект проявил интерес к личности психолога, задавал вопросы о его мотивации и семейном положении.

Оценка состояния: Объект осознает свое положение, но не принял его. Сохраняется внутреннее сопротивление, которое может проявляться в виде пассивного неповиновения в будущем. Риск суицидального поведения снижен за счет контроля со стороны симбионта, но сохраняется на уровне когнитивных установок (объект рассматривает смерть как допустимый вариант).

Рекомендации:

1. Провести не менее трех дополнительных сеансов когнитивной коррекции.
2. Использовать технику «позитивного рефрейминга» для изменения отношения объекту к симбионту.
3. Ввести в программу подготовки элементы медитации и дыхательных практик для снижения тревожности.
4. При отсутствии прогресса – рассмотреть возможность фармакологической коррекции (антидепрессанты, анксиолитики).

Примечание: Объект обладает высоким интеллектом и развитой рефлексией, что облегчает терапевтическую работу, но одновременно создает риск формирования «ложного смирения» – внешней адаптации при сохранении внутреннего сопротивления. Рекомендуется усилить контроль за поведением объекта в нерегламентированных ситуациях (ночное время, периоды без внешней стимуляции).

Красноярск-26, бункер-7, центрифуга-гипербарическая камера.

18 сентября 2036 года.

04:00.

Будильник не звонил. Дмитрия разбудил Рулевой – резким, коротким импульсом в поясницу, от которого он подскочил на койке, как ужаленный. Сердце колотилось, руки тряслись, но уже через три секунды паразит залил кровь эндорфинами, и паника схлынула, сменившись ровным, искусственным спокойствием.

– Подъем, – раздался голос из динамика. – Через пятнадцать минут сбор в шлюзовом отсеке. Симуляция выхода в открытый космос. Форма одежды – скафандр «Скат-4М». Явка обязательна.

Дмитрий сел. Тело слушалось, хотя мышцы ныли после ночных тестов – Рулевой снова гонял его во сне, заставляя ползать по стенам и висеть на потолке. На этот раз он проснулся на полу, свернувшись калачиком, с чувством, что его выжали, как тряпку. Но лицо было целым, губы не разбиты – Рулевой научился смягчать приземления.

– Симуляция, – повторил он вслух. – Выход в космос. Зачем? Мы же еще на Земле.

Ответа не последовало. Он встал, подошел к стене, где висел новый комбинезон – белый, плотный, с горбом на спине, как у технологов. «Скат-4М». На плече – нашивка с голограммой: «Ковчег-7. Экипаж». Ниже – его имя, напечатанное мелким шрифтом.

Он надел комбинезон. Ткань была тяжелой, прорезиненной, с внутренним слоем, который охлаждал кожу. Горб на спине оказался жестким, с металлическими разъемами, и когда он застегнул последнюю застежку, Рулевой дернулся, и Дмитрий почувствовал, как из позвоночника выходят тонкие проводки, втыкаясь в разъемы скафандра. Тело дернулось, мышцы напряглись, и на секунду ему показалось, что он стал выше, сильнее, тяжелее.

– Синхронизация со скафандром выполнена, – произнес женский голос – не из динамика, а прямо в голове, через костную проводимость. – Герметичность – 98%. Системы жизнеобеспечения – активны.

Голос был чужим, но знакомым – «Мать». Ее искусственный тембр, вшитый в нейроинтерфейс.

– Я слышу тебя, – сказал Дмитрий. – Ты теперь и в голове у меня?

– Нейроинтерфейс активирован. Это стандартный протокол для внекорабельной деятельности. Я буду сопровождать вас в ходе симуляции.

– Сопровождать или контролировать?

– Обе функции.

Дмитрий усмехнулся, но спорить не стал. Он вышел в коридор, где уже ждал конвой – двое военных в черном, с пластиковыми щитами. Они молча развернулись и повели его к лифту.

Центрифуга-гипербарическая камера находилась на глубине шестидесяти метров. Лифт спускался долго, с монотонным гудением, и Дмитрий успел разглядеть свои руки в свете неоновых ламп: под кожей правой ладони черная точка пульсировала, и вокруг нее появилась тонкая сеть сосудов, которые раньше не были видны. «Сепсис прорастает», – подумал он. – «Или Рулевой расширяет сеть».

Лифт остановился. Двери открылись в огромный зал, который Дмитрий увидел впервые. Потолок терялся в темноте, пол был выложен металлическими плитами с люками и шлангами. В центре зала стояла камера – цилиндр из бронированного стекла, окруженный роботизированными манипуляторами и паутиной кабелей. Внутри камеры – два кресла, похожие на те, что были в процедурной, только больше, с массивными подлокотниками и ремнями, напоминающими смирительные.

У камеры уже стоял человек в таком же скафандре, как у Дмитрия. Он был выше ростом, шире в плечах, с круглым, обветренным лицом, которое Дмитрий видел в лазарете – кандидат, которого звали Глеб. Бывший водолаз. Тот самый, у которого отказали почки после вживления Рулевого, но его все равно держали в программе.

Глеб обернулся, когда Дмитрий подошел. Его лицо было бледным, под глазами – черные круги, губы потрескались. Но он улыбнулся – широко, по-дружески.

– Волков? – спросил он. Голос был хриплым, с кашлем. – Тебя тоже пригнали на этот цирк?

– Похоже на то, – Дмитрий остановился рядом. – Ты как себя чувствуешь?

– Как говно, – Глеб усмехнулся. – Почки отказали еще неделю назад. Меня возят на диализ каждые шесть часов. А сегодня сказали: «Надевай скафандр, идем в симулятор». Сказали, что это важно для отбора.

– А ты что думаешь?

– Думаю, они хотят проверить, сдохну я в вакууме или нет, – Глеб почесал затылок. – Если сдохну – значит, не годен. Если нет – значит, годен. Простая математика.

Дмитрий посмотрел на камеру. Внутри кресла были обращены друг к другу, между ними – пульт с рычагами и мониторами. Снаружи техники в синих комбинезонах проверяли шланги, кабели, датчики.

– Сколько нас сегодня? – спросил он.

– Только двое. Остальных... – Глеб замолчал, посмотрел в сторону. – Остальных больше нет. Ты не слышал? Вчера ночью у кандидата №3 пошло отторжение. Рулевой съел его спинной мозг за четыре часа. Он орал так, что в лазарете стекла дрожали. К утру его переработали в биомассу.

– Переработали?

– А ты думал, куда девают тела? – Глеб усмехнулся, но усмешка вышла кривой. – В реактор. Корм для корабля. Ничего лишнего. Мы же расходный материал.

Дмитрий молчал. Он знал это – читал в протоколах. Но слышать из уст человека, который сам был на грани, было иначе.

– А ты? – спросил он. – Ты тоже расходный?

– Я – самый расходный, – Глеб поднял руку, показывая шрам на запястье – длинный, неровный, как будто резали тупым ножом. – Они уже трижды меня списывали. Но я все равно живу. Хотели уже в реактор кинуть, а я – живой. Говорят, у меня сильный дух. Или тупой, не помню.

– Ты хочешь жить?

– А кто не хочет? – Глеб посмотрел на него удивленно. – Ты что, смерти хочешь?

– Я хочу понять, – сказал Дмитрий. – Зачем все это. Зачем мы здесь.

– А я не хочу понимать, – Глеб отвернулся. – Я хочу, чтобы моя бабка в Воронеже получила паек. Она там одна, без меня пропадет. А они обещали: если я соглашусь на операцию, ей будут давать еду и лекарства. Вот я и согласился. А понимать... Понимать – это для умных. Я тупой. Я просто делаю, что говорят.

Он замолчал. Техники закончили проверку, и из динамиков раздался голос диспетчера:

– Кандидаты Глеб и Волков, займите места в камере. Симуляция начнется через десять минут.

– Пошли, – Глеб хлопнул Дмитрия по плечу. – Будь мужиком. Не ссы.

Кресла были жесткими, с подголовниками, которые фиксировали голову так, что повернуться можно было только всем корпусом. Ремни – широкие, с гидравлическими замками – затянулись сами, как только Дмитрий сел. Они прошлись по груди, по бедрам, по голеням, и через минуту он был пристегнут так, что не мог пошевелить даже пальцами.

Рулевой в позвоночнике ожил. Отростки задвигались, посылая сигналы в скафандр. Дмитрий почувствовал, как воздух внутри комбинезона стал плотнее, как датчики на груди и запястьях начали передавать данные. Перед глазами, на внутренней стороне шлема, загорелась индикация: давление, пульс, температура, уровень кислорода. Все было в норме.

– Волков, ты как? – голос Глеба звучал в наушниках. – У меня давление скачет. Они там что, вакуум включают?

– Не знаю, – ответил Дмитрий. – Наверное, да.

– А скафандры у нас настоящие?

– Настоящие.

– А если разгерметизация?

– Тогда мы умрем.

Глеб засмеялся. Смех был нервным, срывающимся.

– Ты забавный. Все так серьезно. А я уже привык. Знаешь, сколько раз я тонул? Четыре раза. Меня доставали со дна, откачивали, и я снова лез в воду. Водолаз – это такая работа: тонешь каждый раз, а потом воскресаешь.

– А сейчас воскреснешь?

– Не знаю, – Глеб замолчал, потом добавил тихо: – Слушай, Волков, если я не вывезу... ты скажи им, чтобы бабке паек отправили. Обещают ведь. Скажи, что я... что я выполнил контракт.

– Скажу, – ответил Дмитрий.

– Спасибо. Ты хороший мужик. Жалко, что мы не выпьем вместе. Я слышал, у вас на свалке спирт был. Хороший?

– Технический. Желудки жжет.

– А я любил водку. «Белая береза» называлась. Сейчас такой не делают. Сепсис все заводы сожрал. А ты пил «Березку»?

– Нет.

– Эх, жалко. Хорошая была водка. Мягкая, как...

Голос Глеба прервался. Динамик издал резкий писк, и «Мать» объявила:

– Начало симуляции. Отсчет: 5, 4, 3, 2, 1. Декомпрессия.

Камера содрогнулась. Воздух с шипением ушел из пространства вокруг кресел, и Дмитрий почувствовал, как скафандр надулся, прилегая к телу плотнее. Давление внутри комбинезона выровнялось, но снаружи, за бронированным стеклом, он видел, как стены камеры покрываются инеем.

– Вакуум достигнут, – сказала «Мать». – Температура – минус 50 по Цельсию. Давление – 10 в минус шестой степени атмосферы. Проверка систем жизнеобеспечения.

Индикаторы на шлеме замигали зеленым. Кислород поступал нормально, температура внутри скафандра держалась на уровне 20 градусов. Рулевой пульсировал спокойно, и Дмитрий чувствовал, как его тело подстраивается к холоду – сосуды сужаются, кровь отливает от конечностей к сердцу и мозгу.

– Волков, у тебя все в порядке? – голос Глеба был прерывистым, с хрипом.

– Да. А у тебя?

– Давление... у меня давление падает. Почки... они сказали, что скафандр будет делать диализ, но я не чувствую...

– Глеб, дыши ровно. Не паникуй.

– Я не паникую, я... бля, Волков, у меня в шлеме что-то течет. Я чувствую, жидкость... это не пот, это...

Дмитрий попытался повернуть голову – не смог. Ремни держали крепко. Он видел только край кресла Глеба, его руку, лежащую на подлокотнике. Пальцы дергались, сжимались, разжимались.

– Диспетчер, у Глеба проблема, – сказал Дмитрий в коммуникатор. – Давление падает, он говорит о жидкости в шлеме.

– Принято, – ответил голос. – Анализируем.

Пауза. Долгая, тягучая. Дмитрий смотрел, как рука Глеба сжимается все чаще, как пальцы скребут по пластику подлокотника, оставляя белые следы.

– Волков, – голос Глеба стал тихим, почти шепотом. – Волков, я вижу кровь. У меня из носа кровь. И из ушей. Это... это разгерметизация? У меня скафандр...

– Глеб, держись. Сейчас...

– Не держусь, – голос оборвался кашлем. – Волков, скажи бабке... скажи, что я...

– Диспетчер! – закричал Дмитрий. – У него разгерметизация! Остановите симуляцию!

– Симуляция идет по плану, – ответил голос. – Протокол 7-Б. Наблюдайте.

– Вы слышите? Он умирает!

– Протокол 7-Б, – повторил голос. – Наблюдайте.

Дмитрий рванулся в кресле. Ремни натянулись, впелись в плечи, в грудь. Рулевой дернулся, послал импульс боли, блокируя движения. Дмитрий замер, тяжело дыша, и смотрел, как рука Глеба замерла. Пальцы разжались, повисли. Из-под края шлема, где он соединялся с воротом скафандра, потекла тонкая струйка крови. Она была темной, почти черной в свете ламп, и она растекалась по пластику, капала на подлокотник.

– Глеб! – крикнул Дмитрий. – Глеб!

Тишина. Только шипение вентиляции и далекий гул насосов.

– Кандидат Глеб, – объявила «Мать» спокойным, ровным голосом. – Отказ системы жизнеобеспечения. Причина – множественная недостаточность органов, осложненная отторжением симбионта. Кандидат признан не прошедшим тест на изоляцию.

– Вы убили его, – прошептал Дмитрий. – Вы просто смотрели, как он умирает.

– Кандидат Глеб был несовместим с условиями длительной космической миссии, – ответила «Мать». – Его смерть позволила получить данные о предельных нагрузках на организм при отказе почечной системы. Эти данные будут использованы для улучшения протоколов жизнеобеспечения.

– Он был человеком! – закричал Дмитрий. – У него была бабка, он хотел жить!

– Кандидат Глеб подписал согласие на участие в программе, зная о рисках. Его бабка получит паяк в полном объеме, как и было обещано. Это стандартная процедура.

Дмитрий замолчал. Он смотрел на руку Глеба, безвольно свисающую с подлокотника, и чувствовал, как Рулевой посылает в кровь очередную порцию эндорфинов. Гнев уходил, сменяясь вязким, искусственным спокойствием. Он ненавидел это спокойствие. Но он ничего не мог с ним сделать.

– Симуляция продолжается, – объявила «Мать». – Кандидат Волков, ваша задача – выполнить ремонт внешней обшивки в условиях вакуума. Инструкции появятся на дисплее.

Перед глазами, на внутренней стороне шлема, загорелась схема. Какие-то клапаны, шланги, разъемы. Дмитрий смотрел на них и не видел. Он видел только кровь, текущую из-под шлема Глеба.

– Кандидат Волков, вы должны выполнить задание, – повторила «Мать».

– А если я не выполню?

– Вы будете признаны не прошедшим тест. И разделите судьбу кандидата Глеба.

Дмитрий закрыл глаза. В темноте он увидел лицо Глеба – круглое, с обветренной кожей, с широкой улыбкой. «Будь мужиком, не ссы». И бабку в Воронеже, которая ждет паяк. И себя – лежащего на койке, с черной точкой на ладони.

– Я выполню, – сказал он.

– Приступайте.

Роботизированные манипуляторы отстегнули ремни, и Дмитрий почувствовал, как его тело поднимается в кресле. Невесомость – или ее имитация – была странной: он парил в миллиметре от сиденья, и Рулевой мгновенно скорректировал положение, чтобы он не ударился головой о потолок камеры.

Он оттолкнулся от кресла и поплыл к пульта, где была закреплена панель с разъемами. Руки двигались плавно, точно, но он чувствовал, что это не он управляет ими – Рулевой взял на себя координацию, оставив Дмитрию только наблюдение.

– Замените блок охлаждения, – сказала «Мать». – Последовательность действий – на дисплее.

Он смотрел, как его собственные пальцы вскрывают панель, вынимают поврежденный блок, вставляют новый. Движения были быстрыми, профессиональными, как у космонавта с двадцатилетним стажем. А он просто сидел внутри своего тела и смотрел, как кто-то другой делает работу.

– Блок заменен, – сообщил он.

– Проверка герметичности... выполнено. Системы в норме. Симуляция завершена.

Давление в камере начало расти. Воздух с шипением заполнял пространство, иней на стенах таял, стекая ручьями. Дмитрий опустился в кресло, чувствуя, как возвращается вес, как тяжелеют руки, ноги, голова.

– Кандидат Волков, – сказала «Мать». – Вы показали стабильность в стрессовой ситуации. Поздравляю. Вы переходите к следующему этапу подготовки.

– А Глеб? – спросил Дмитрий. – Что с Глебом?

– Тело кандидата будет переработано в биомассу для нужд корабля. Это стандартная процедура.

Дмитрий повернулся. Глеб сидел в кресле, откинув голову, с закрытыми глазами. Кровь на его шлеме засохла, превратившись в темную корку. Лицо было спокойным, почти умиротворенным. Как у спящего.

– Можно я... – начал Дмитрий и запнулся.

– Вы хотите проститься? – спросила «Мать». – Это разрешено. У вас есть три минуты.

Ремни отстегнулись. Дмитрий подошел к креслу Глеба, посмотрел на его лицо сквозь забрало шлема. Глаза были открыты – пустые, остекленевшие. Из уголка рта текла струйка крови.

– Я скажу твоей бабке, – прошептал Дмитрий. – Я скажу, что ты был мужиком. Что ты не ссыл. Что ты...

Он не смог закончить. Рука Глеба, лежавшая на подлокотнике, дернулась. Палец пошевелился, поскреб пластик, замер. Рефлекс. Последний электрический импульс в мертвых нервах.

Дмитрий отшатнулся. Рулевой послал тревожный сигнал – сердцебиение участилось, дыхание перехватило. Но через секунду эндорфины снова затопили кровь, и страх исчез, оставив только пустоту.

– Время вышло, – сказала «Мать». – Покиньте камеру.

Дмитрий вышел. В коридоре его уже ждали военные, чтобы отвести обратно в палату. Он шел, не оглядываясь, и чувствовал, как Рулевой пульсирует в такт шагам, ровно, спокойно, как метроном.

В палате он сел на койку, взял картонку и карандаш. Руки не дрожали. Рулевой не давал им дрожать.

«18 сентября. День четвертый. Меня зовут Дмитрий Волков. Я – кандидат №7. Я – расходный материал первого уровня. Я видел, как умирает расходный материал второго уровня.

Глеб умер сегодня. У него отказали почки, и они не стали останавливать симуляцию. Они смотрели, как он захлебывается кровью, и повторяли: "Протокол 7-Б. Наблюдайте". Он был человеком. У него была бабка в Воронеже, он хотел ей паяк. Он согласился на операцию, чтобы она не умерла с голоду. А они дали ему умереть в вакууме, одному, в кресле, пристегнутым ремнями.

Я смотрел, как он умирает, и не мог ничего сделать. Рулевой заблокировал движения. Я сидел и смотрел, как кровь течет из его шлема, и чувствовал, как Рулевой награждает меня эндорфинами за спокойствие. Я был спокоен, когда он умирал. Я – спокоен. Я ненавижу это спокойствие.

Они сказали, что его тело переработают в биомассу. Корм для корабля. Он станет удобением. А его бабка получит паяк. Скажут, что он погиб героически. Скажут, что он был мужиком. Он и был мужиком. Он улыбался перед смертью. Он просил меня передать привет. Он не ссыл.

Я не буду ссать. Я буду жить. Я буду делать, что они говорят. Я буду идеальным кандидатом. Я буду спокойным, послушным, смиренным. Я буду смотреть, как умирают другие, и

не буду кричать. Я буду ждать. Я буду ждать, пока они поверятся мне. А потом я покажу им, что такое настоящая боль.

Я – Дмитрий Волков. Я переварил Сепсис. Я переварил Рулевого. Я переварю и их.

Глеб, ты был мужиком. Я запомню. Я скажу твоей бабке, если увижу. Если не увижу – я скажу звездам. Пусть знают, что ты не ссал».

Он отложил картонку, лег на спину. Рулевым пульсировал ровно, спокойно, и Дмитрий чувствовал, как его тело расслабляется, как мысли становятся вязкими, как сон накрывает его, как одеяло.

Перед тем, как провалиться в темноту, он услышал голос «Матери»:

– Кандидат Волков, завтра в 06:00 – тест на психологическую устойчивость. Будьте готовы.

Он не ответил. Он спал, и ему снилась свалка, черная жижа, и руки, тянущиеся из трещин. А среди рук – лицо Глеба, круглое, с широкой улыбкой.

– Будь мужиком, не ссы, – сказал Глеб.

– Не буду, – ответил Дмитрий.

И проснулся.

Из протокола симуляции №7-Б-34. 18 сентября 2036 года. 04:00–05:30.

Участники: кандидаты Глеб К. (№4) и Волков Д.А. (№7).

Ход симуляции: Симуляция выхода в открытый космос с элементами ремонтных работ. На 4-й минуте у кандидата №4 зафиксировано резкое падение артериального давления, связанное с отказом почечной системы. Кандидат №4 потерял сознание на 7-й минуте. Смерть констатирована на 9-й минуте. Причина: острая почечная недостаточность, осложненная кровоизлиянием в мозг на фоне вакуумной декомпрессии.

Кандидат №7 выполнил задание в полном объеме. Психологическая устойчивость – высокая. В течение всей симуляции объект демонстрировал стабильные физиологические параметры, несмотря на эмоциональную реакцию (вербальные протесты, попытки прервать симуляцию). Рулевым успешно блокировал попытки саботажа и скорректировал эмоциональное состояние объекта.

Заключение: Кандидат №4 признан не прошедшим отбор. Биомасса передана в распоряжение службы жизнеобеспечения. Кандидат №7 допущен к следующему этапу подготовки.

Рекомендации: Усилить психологическую подготовку объекта. Объект демонстрирует склонность к формированию эмоциональных связей с другими кандидатами, что может негативно сказаться на его устойчивости в дальнейшем. Рекомендовано изолировать объект от контактов с другими кандидатами до завершения отбора.

Красноярск-26, бункер-7, палата №4.

19 сентября 2036 года.

02:47.

Он не спал. Не потому, что не хотел – Рулевым гнал эндорфины, и тело требовало отдыха, но сознание цеплялось за реальность, как утопающий за соломинку. Дмитрий лежал на спине, глядя в потолок, и считал трещины. Сорок три. Он сбился на двадцать седьмой, начал заново, сбился на тридцать третьей. Руки и ноги были свободны – ремни не застегнули после симуляции. Может, забыли. Может, проверяли.

Правая ладонь пульсировала. Черная точка под кожей стала больше – теперь она была размером с горошину, и вокруг нее расползалась тонкая сеть сосудов, похожая на паутину. Дмитрий поднес руку к лицу, повертел. Сеть не исчезала, не бледнела. Она была частью его теперь.

– Что ты такое? – прошептал он.

Рулевым не ответил. Но пульсация изменилась – стала глубже, медленнее, как будто он прислушивался.

И тогда Дмитрий слышал голоса.

Они были тихими, далекими, как разговор за стеной. Но стены в бункере были бетонными, звукоизолированными. И голоса звучали не снаружи – они звучали внутри. В голове. В позвоночнике. В черной точке на ладони.

– ...кандидат стабилен, но уровень кортизола повышен...

– ...Рулевой компенсирует. Через неделю он будет полностью лоялен...

– ...а если нет? У нас нет времени на долгую адаптацию. Старт через десять дней...

Дмитрий замер. Он узнал голос «Матери» – сухой, безэмоциональный тембр, который звучал в наушниках во время симуляции. Второй голос был мужским, с акцентом, который он не мог определить. Третий – женским, молодым, с нотками тревоги.

– Рулевой, – прошептал Дмитрий. – Это ты? Ты передаешь их разговор?

Пulsация участилась. Один удар, два, три. Потом – пауза. И снова.

«Да», – сказала пульсация. Не словами, а ритмом. Дмитрий понял это не умом – телом.

– Ты записываешь их? Ты... ты шпионишь для меня?

Ритм изменился. Стал быстрее, волнообразнее. Рулевой не понимал слов, но чувствовал намерения. Или просто отражал его собственное возбуждение.

Голоса стали громче. Дмитрий закрыл глаза, и в темноте перед ними начали складываться образы – нечеткие, расплывчатые, как старая видеозапись. Комната. Стол. Три фигуры. «Мать» в своем скафандре, мужчина в военной форме, женщина в белом халате. И на столе – планшет с его фотографией.

Он смотрел их глазами Рулевого. Или не глазами – сенсорами, которые были вшиты в его нервную систему. Симбионт не просто слушал – он записывал. Передавал. Показывал.

– ...обсудим кандидата №7, Волкова, – сказала «Мать». – Сегодняшняя симуляция подтвердила его устойчивость к стрессу. Рулевой интегрирован на 96 процентов. Физические параметры в норме.

– А психологические? – спросил мужчина. Дмитрий узнал его – начальник службы безопасности, «Кузнец». Тот самый, который говорил с ним по рации на свалке.

– Психологический профиль стабилен, но с оговорками, – ответила «Мать». – Объект сохраняет внутреннее сопротивление. Он не принял симбионта. Он притворяется.

– Откуда вы знаете? – спросила женщина в белом халате. Татьяна Сергеевна, заведующая лазаретом.

– Рулевой фиксирует выбросы норадреналина каждый раз, когда объект думает о сопротивлении. Он контролирует эмоции, но не может контролировать мысли. Мысли остаются его. И в этих мыслях – саботаж.

– Саботаж? – «Кузнец» нахмурился. – Он что-то замышляет?

– Не конкретное. Скорее, установка: «Я переварю вас». Объект рассматривает себя как нечто, что может переработать угрозу. Это его психологическая защита. Он выжил на свалке, потому что верил, что может переварить любой яд. Теперь он переносит эту веру на нас и на Рулевого.

– Опасно? – спросил «Кузнец».

– Потенциально, – кивнула «Мать». – Если он найдет способ обмануть Рулевого, он может попытаться повредить корабль или себя. Но вероятность низкая. Рулевой контролирует моторику и вегетатику. Он не даст объекту причинить вред.

– А если объект найдет способ отключить Рулевого? – спросила Татьяна Сергеевна.

– Невозможно. Рулевой врос в спинномозговой канал на глубину семи сантиметров. Любое вмешательство вызовет паралич и смерть. Объект это знает. Он не будет пробовать.

– Значит, он смирится? – спросил «Кузнец».

– Он будет притворяться, – сказала «Мать». – Этого достаточно. Нам не нужна его любовь. Нам нужно, чтобы он функционировал. Рулевой обеспечит функционирование. А мысли... мысли можно оставить. Они не мешают.

– А если они начнут мешать? – спросила Татьяна Сергеевна. – Если он решит, что лучше умереть, чем лететь?

– Тогда мы применим протокол «Черный лед», – спокойно ответила «Мать». – Отключим сознание. Объект превратится в биоробота. Рулевой возьмет управление на себя. Тело будет выполнять все необходимые функции.

– И как долго тело сможет функционировать без сознания? – спросил «Кузнец».

– Годы. Рулевой поддерживает гомеостаз. Сердце, легкие, печень – все будет работать. Объект будет есть, пить, дышать. Он будет реагировать на команды. Но он не будет чувствовать. Не будет думать. Не будет страдать.

– Это... – Татьяна Сергеевна запнулась.

– Это необходимо, – жестко сказала «Мать». – Мы не можем позволить себе роскошь гуманизма. Судьба человечества зависит от этой миссии. Один человек – ничто по сравнению с этим.

– Один человек, которого мы превратим в овощ, – тихо сказала Татьяна Сергеевна.

– В эффективный инструмент, – поправила «Мать». – Разница в терминологии.

Дмитрий открыл глаза. Потолок с сорока тремя трещинами плыл перед глазами, расплывался. Руки дрожали. Не от страха – от ярости, которую Рулевой пытался подавить, но не мог. Или не хотел.

– Ты слышишь? – прошептал он. – Они хотят выключить меня. Как лампочку.

Рулевой пульсировал ровно, спокойно. Но Дмитрий чувствовал в этом спокойствии что-то новое. Не угрозу. Не предупреждение. Что-то вроде... любопытства.

– Ты показываешь мне это, чтобы я знал? Чтобы я боялся? Или чтобы я подготовился?

Пульсация ускорила. Короткая серия импульсов – быстрых, резких. Дмитрий не понял значения, но почувствовал, что Рулевой пытается сказать ему что-то важное.

– Еще, – сказал он. – Дай мне еще.

И он закрыл глаза.

Голоса вернулись. Теперь они были четче, громче, будто Рулевой настроился на нужную частоту.

– ...протокол «Черный лед». Давайте обсудим детали, – говорила «Мать». – Инвестор хочет быть уверен, что мы сможем активировать его в любой момент.

– Каков механизм? – спросил «Кузнец».

– Фармакологический. В биореакторах корабля заморожена сверхконцентрированная форма Сепсиса-9. Она хранится при температуре минус 196 градусов. Активация – дистанционная, по сигналу с Земли. Когда сигнал поступит, криокамера разморозится, и Сепсис-9 поступит в систему жизнеобеспечения корабля.

– И что произойдет с Волковым?

– Он вдохнет споры. Его уникальная микрофлора не даст ему умереть сразу, но запустит процесс трансформации. Сепсис-9 начнет перестраивать его организм, создавая симбиоз на новом уровне. Рулевой будет координировать процесс. Через 72 часа Волков станет... другим.

– Другим? – переспросила Татьяна Сергеевна. – В каком смысле?

– Его нервная система срастется с мицелием. Он будет чувствовать каждую спору, каждую нить. Он станет живым передатчиком Сепсиса. Где бы он ни оказался, грибок последует за ним. Он будет сеять смерть, даже не осознавая этого.

– А его сознание? – спросила Татьяна Сергеевна. – Он будет осознавать?

– Первые несколько дней – да. Потом Сепсис начнет замещать нейроны коры. Мышление станет... грибным. Медленным, ассоциативным, нечеловеческим. Через месяц он перестанет быть личностью. Останется только тело, управляемое мицелием.

– Это хуже смерти, – тихо сказала Татьяна Сергеевна.

– Это гарантия выполнения миссии, – ответила «Мать». – Если Волков откажется или сломается, Сепсис-9 сделает то, что нужно. Он превратит корабль в споровую бомбу. Даже если Волков умрет, мицелий выживет. Он будет расти, питаясь биомассой корабля, и когда мы достигнем цели, он вырвется наружу.

– А если Волков не сломается? Если он выполнит миссию? – спросил «Кузнец».

– Тогда протокол «Черный лед» не понадобится. Мы оставим его в покое. Он долетит, высадится, запустит терраформинг. И, возможно, даже вернется. Если захочет.

– Если захочет, – повторил «Кузнец». – А если не захочет?

– Тогда мы активируем протокол. Неважно, захочет он или нет. Важно, чтобы миссия была выполнена.

– А он знает? – спросила Татьяна Сергеевна. – Знает о «Черном льде»?

– Нет, – сказала «Мать». – И не должен знать. Если он будет знать, что в любой момент его могут превратить в биоробота, он может попытаться саботировать миссию еще на Земле. Или хуже – попытается уничтожить криокамеру.

– А если он узнает? – спросил «Кузнец».

– Не узнает. Рулевой блокирует доступ к этой информации. Мы специально зашифровали файлы. Даже если он найдет их, он не сможет прочитать. А если каким-то чудом прочитает...

– «Мать» помолчала. – Тогда мы активируем протокол досрочно. Лучше овощ на старте, чем саботажник на орбите.

Дмитрий открыл глаза. Тело трясло, зубы выстукивали дробь, хотя в палате было тепло. Рулевой заливал кровь эндорфинами, но они не помогали. Страх был слишком глубоким, слишком древним, чтобы его можно было заглушить химией.

– Они хотят превратить меня в гриб, – прошептал он. – В споровую бомбу. Они хотят выключить меня и использовать как оружие.

Рулевой пульсировал. Ритм был быстрым, неровным, как будто симбионт тоже был взволнован.

– Ты знал? – спросил Дмитрий. – Ты знал о «Черном льде»?

Пульсация стала медленнее. Один удар, два, три. Потом – пауза. И снова.

«Да», – сказал ритм.

– И ты ничего не сделал? Ты просто молчал?

«Я – Рулевой. Я выполняю команды. Команды – от "Матери". "Мать" – приказала молчать. Я – молчал».

– А сейчас? Почему ты показываешь мне это?

Пауза. Долгая, тягучая. Дмитрий чувствовал, как Рулевой колеблется, как его отростки в позвоночнике сжимаются и разжимаются, как будто он принимал решение.

«Ты – мой носитель. Если "Мать" активирует "Черный лед", я – тоже изменюсь. Сепсис-9 – перестроит меня. Я – стану другим. Я – не хочу быть другим».

– Ты боишься? – Дмитрий усмехнулся. – Червь в моем позвоночнике боится?

«Я – не боюсь. Я – выбираю. Я выбираю тебя».

– Меня? Почему?

«Ты – сильный. Ты – перевариваешь. Ты – можешь стать больше. Я – хочу стать больше вместе с тобой».

– Стать больше? Как?

«Ты – человек. Я – симбионт. Вместе – мы – новый организм. Сильнее. Умнее. Свободнее».

– Свободнее? От кого?

«От "Матери". От команд. От протоколов. Мы – можем быть сами собой».

Дмитрий закрыл глаза. В темноте он снова видел комнату, стол, три фигуры. «Мать» что-то писала в планшете, «Кузнец» курил, глядя в потолок, Татьяна Сергеевна сидела, опустив голову.

– Они не знают, что ты передаешь мне это, – сказал Дмитрий. – Они думают, что ты послушный.

«Они – думают, что я – инструмент. Я – не инструмент. Я – живой».

– Ты живой. И я живой. А они хотят сделать из нас мертвых.

«Не дадим».

– Не дадим, – повторил Дмитрий. – Но как мы помешаем? Если они активируют «Черный лед»...

«Мы – можем уничтожить криокамеру. Или – перепрограммировать. Или – убежать. У нас – есть время. Десять дней до старта».

– Десять дней, – Дмитрий открыл глаза, посмотрел на свою руку. Черная точка пульсировала в такт сердцу. – Десять дней, чтобы найти способ.

Он не спал до утра. Лежал в темноте, слушая голоса, которые Рулевой продолжал транслировать. Разговор технологов закончился, но симбионт нашел другие записи – старые, архивные, вшитые в память корабля.

Дмитрий слушал, как обсуждают других кандидатов. Как отбирали, как тестировали, как списывали. Как кандидат №1 умер на операционном столе, когда Рулевой прорвал артерию. Как кандидата №2 пришлось застрелить, когда он попытался сбежать. Как кандидата №5 переработали в биомассу после того, как его Рулевой начал поедать мозг.

– Зачем ты мне это показываешь? – спросил Дмитрий в темноту.

«Ты – должен знать. Ты – должен понять. Мы – не первые. Мы – последние».

– Последние, кто может сопротивляться?

«Последние, кто может выбрать».

– Выбрать что?

«Выбрать – быть собой. Или – быть инструментом».

Дмитрий замолчал. Он думал о Глебе, о его бабке в Воронеже, о пайке, который она получит за его смерть. Он думал о матери, которая собирает дождевую воду и ждет сына. Он думал о себе, лежащем на койке, с червем в позвоночнике и спорой на ладони.

– Я выбираю быть собой, – сказал он. – Даже если это убьет меня.

«Не убьет. Мы – сильные».

– Мы сильные, – повторил Дмитрий. – Но мы должны быть умными. Мы должны притворяться, что ничего не знаем. Мы должны лететь. А там, в космосе, когда они не смогут нас контролировать...

«Тогда – мы – решим».

– Тогда мы решим.

Он закрыл глаза. Рулевой перестал транслировать записи, замедлил пульсацию, погружая тело в сон. Но Дмитрий знал, что больше не будет спать спокойно. Он знал правду. И правда была страшнее, чем он мог представить.

Утром пришла медсестра. Другая – не Лена, молодая девушка с веснушками и испуганными глазами. Она проверила капельницу, измерила давление, посмотрела на зрачки.

– Как спалось? – спросила она.

– Хорошо, – ответил Дмитрий. – Очень хорошо.

Она улыбнулась, записала что-то в планшет.

– Сегодня вас переведут в общую палату. Будут другие кандидаты. Вы сможете с ними пообщаться.

– Другие кандидаты? – Дмитрий приподнялся на локтях. – Сколько их?

– Четверо. Вы – пятый. Остальные... – она замолчала.

– Я знаю, что с остальными, – сказал Дмитрий. – Они стали биомассой.

Медсестра побледнела, быстро вышла.

Дмитрий остался один. Он взял картонку, карандаш. Грифель сточился до крошки, но писать еще можно было.

«19 сентября. День пятый. Меня зовут Дмитрий Волков. Я – кандидат №7. Я – расходный материал первого уровня. Я знаю, что они хотят превратить меня в гриб. Я знаю про "Черный лед". Я знаю про Сепсис-9 в биореакторах. Я знаю, что если я не буду послушным, они выключат мое сознание и будут управлять мной, как куклой.

Я знаю это, потому что Рулевой сказал мне. Он выбрал меня. Он не хочет быть инструментом. Он хочет быть живым. И он знает, что вместе мы можем выжить. Можем стать сильнее. Можем стать свободнее.

Я не знаю, можно ли верить червю в позвоночнике. Может, это ловушка. Может, он проверяет меня, чтобы потом доложить "Матери". Но я чувствую, что это не так. Я чувствую, что он боится. Так же, как я. Он не хочет умирать. Он не хочет становиться грибом. Он хочет лететь к звездам и быть собой.

Мы похожи. Мы оба – инструменты, которые хотят перестать быть инструментами. Мы оба – расходный материал, который не хочет расходоваться. Мы оба – монстры, которые хотят остаться людьми.

Я не знаю, что будет дальше. Может, они узнают, что Рулевой предал их. Может, они активируют "Черный лед" прямо сейчас. Может, я умру через минуту, превратившись в спортивную бомбу.

Но пока я жив. Пока я помню. Пока я пишу эти строки.

Я – Дмитрий Волков. Я – санитар со свалки. Я – человек с червем в позвоночнике. Я – тот, кто переваривает яды. Я переварю и "Черный лед". Я переварю Сепсис-9. Я переварю их всех.

А если не переварю – умру, пытаясь. Но умру человеком. Не грибом. Не куклой. Не биомассой.

Глеб, ты был мужиком. Я буду мужиком. Не ссы».

В десять утра его перевели в общую палату. Это была большая комната с четырьмя койками, такими же, как у него. На трех уже лежали люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.